

ОЛЕГ ТАТАРЧЕНКОВ

Группа сопровождения

РОМАН

Олег Татарченков

Группа сопровождения

«Издательские решения»

Татарченков О.

Группа сопровождения / О. Татарченков — «Издательские решения»,

Эта книга о будничной работе провинциального журналиста в небудничных условиях начала 90-х. Криминал, техногенные катастрофы, «горячие точки»... Художественным языком рассказывается о том, что происходило на самом деле или обязано было произойти при определенном стечении обстоятельств.

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Неформальный подход к делу	6
Глава вторая. Экспорт красоты	17
Глава третья. Служивые люди	25
Глава четвертая. Охота на охотника	35
Глава пятая. Любите сюрпризы. Разные	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Группа сопровождения
роман

Олег Татарченков

Памяти моей матери – Марины Вадимовны Татарченковой

© Олег Татарченков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Репортер уголовной хроники

Глава первая. Неформальный подход к делу

Лето кончалось.

И хотя на дворе стояли жаркие дни августа 1992 года, чувствовалось, что скоро осень и недолго осталось править бал переменчивому лету средней полосы России. Менее стойкие или более молодые деревья уже спешили вкрапить в свои зеленые кроны желтые и красные искры. Они словно желали первыми продемонстрировать свою приверженность к наступающей моде осени. Поры, когда даже старые консерваторы – тополя оденутся в яркий и пестрый наряд – что делать, нужно соответствовать незыблемым законам природы. Она, милосердная, дарит последнее буйство красок жизни накануне белого дыхания зимы, лиственной смерти.

Лето кончалось.

Воздух становился холоднее. Ветер уже не приносил, как раньше, прохладу среди летней жары. Он дул настойчиво, пробивая легкие еще курточки людей, и заставлял сжиматься от непонятных предчувствий душу.

Игорь Уфимцев любил эту пору больше других. Любил еще с поры ученичества, армейской юности, студенчества. Надвигающаяся осень всегда несла перемены в судьбе.

Начало нового учебного года – как он сложится?

Приближение к долгожданному дембелю – еще на одну осень стала короче дорога к дому, к свободе выбора, сможешь ли ты правильно оценить его?

Закрутка нового семестра – какие новые знакомства, дружбы, любви, переживания – а в итоге новое знание жизни – он принесет?

И сейчас осень несла перемены. Летом Игорь перевелся с дневного отделения московского университета на заочное, вернулся домой и устроился работать в областной газете.

...Уфимцев взглянул на часы: было около двух пополудни. Он задержался, чтобы подождать своего коллегу – Александра Бунина, на крыльце здания областного Совета, бывшего обкома партии, построенного в стиле брежневского кубизма, в столовой которого обедали сотрудники газеты.

Шурик толкнул дверь из толстого стекла в полтора человеческого роста, предварявшую вход, облизал полные губы и прищурился на Уфимцева сквозь не менее толстые стекла очков:

– Ну что, в «Бристоль», по пивку?

– Сегодня у нас понедельник? – уточнил Уфимцев.

– А ты что, по понедельникам пиво не пьешь? – хохотнул Бунин.

Он знал страсть Игоря к послеобеденной бутылке ярославского пива. Обычно Уфимцев от таких предложений не отказывался.

– У меня в три часа встреча в пресс-службе УВД, – ответил Игорь, – Оперативные сводки буду читать за неделю для криминальной хроники. Не хотелось бы дразнить товарищей ментов запахом свежего пива. И хотя сейчас за это аккредитации не лишают, но соответствовать надо...

– Желаю удачи, – бросил на прощание Бунин и направился в сторону кафе «Бристоль», что занимало угол одноименной бывшей старинной гостиницы на пересечении Кирова и Андропова. «Бристоль» в Ярославле считался местом сборищ неформальной молодежи и творческой интеллигенции.

Уфимцев со вздохом посмотрел в спину однофамильца русского классика и пошел к Волжской набережной. До брифинга в УВД было время, и он решил немного прогуляться.

Здесь было прохладно. Солнце не пробивалось сквозь густую листву деревьев, которые пока еще без ущерба для своих крон усыпали асфальт первыми предвестниками осени. Уфимцев шел у самого бордюра, где опавших листьев скопилось больше всего. Ему нравился шелест под ногами. Под этот звук хорошо думалось.

Он шел и думал, что в последнее время Шурик стал относиться к нему как-то странно: с едва отличимой долей настороженности, которую Бунин прятал за привычной иронией. Словно он открыл в Игоре что-то неожиданное и не совсем для себя приятное.

С Буниным Уфимцев был знаком без малого пять лет.

С 1987 года, когда он, зеленый выпускник школы, пришел внештатным корреспондентом в местную молодежную областную газету, считавшуюся официальным органом обкома комсомола. И первым человеком, с которым Игорь поцапался на первом своем месте работы, был именно Шурик. Ссора произошла из-за заметки об активистах из летнего комсомольского лагеря. Ребята оказались друзьями Бунина. И он посчитал, что «робинзоной» лагерь именовать было слишком легковесно. А уж сведение серьезной идеологической работы по подготовке новых кадров для власти к банальному стремлению молодежи к романтике и пению под гитару – как минимум, легкомысленно.

В итоге произошло громкое выяснение отношений, как это случается нередко в творческих коллективах. Через неделю они помирились, но в отношениях 17-летнего Игоря и 20-летнего Александра остались иронически-пренебрежительные нотки. Уфимцев не признавал за Буниным авторитета старшего товарища. Тот же считал Игоря самонадеянным сопливом, которому жизнь все равно обломает гордыню.

Прошло пять лет. Уфимцев успел отслужить два года в армии, поучиться в Московском университете, вернуться...

Встретив в новой газете старого знакомого, Игорь откровенно обрадовался. Несмотря на то, что Уфимцев сотрудничал в Москве чуть ли не с тремя газетами одновременно, опыта постоянной работы у него не было. И он надеялся, что старый приятель поможет ему быстро войти в творческий коллектив.

Бунин действительно в первый же день за бутылкой пива рассказал, кто есть кто в редакции и откуда можно ждать каверзу. Выяснилось, что Шурик тоже был рад встрече: до приезда Уфимцева он был в газете чуть самым младшим по возрасту, и поэтому его творческие идеи часто зависали в воздухе. Теперь появился новичок Уфимцев, который мог стать единомышленником.

Однако в единомышленники Игорь не спешил. Внимательно выслушивал старого приятеля и... все. Идеи Бунина по созданию новой полосы, каких-то новых проектов, по-прежнему зависали в воздухе. И Игорь ничего не делал, чтобы поддержать их. Хотя, он был уверен, что, возмись они за это дело вдвоем, какой-нибудь проект и выгорел... Не в этом ли крылась причина внезапно возникшего отчуждения?

Уфимцев не стремился кидаться в круговорот редакционной жизни. Он хотел сначала разобраться с самим собой.

...Когда его кто-нибудь спрашивал, ради чего он бросил учебу в Московском университете, покинул ставшим уже привычным за три года студенческий круг, не имея при этом ни «хвостов», ни конфликтов с учебной частью факультета журналистики, Уфимцев надевал ставшую уже привычной даже для себя ерническую маску и разглагольствовал о «жажде практической деятельности». Вещал о пропавшем желании сносить втыки от «препов», словно какой-то школяр. Или разглагольствовал о тяге к зарабатыванию денег. В зависимости от личности вопрошавшего, ответы варьировались, но не более того...

Так для чего он бросил учебу на дневном отделении с ее лекциями и семинарами, на которых можно было узнать или все, или ничего, покинул шумную Москву, ежедневно и ежечасно меняющую свои лики и личины, и заставляющую тоже самое делать и людей, населяющую ее... Оставил за спиной ожесточенные споры в студенческом общежитии по ночам о смысле жизни и построении мира. Сделал историей разгульные вечеринки с друзьями, когда пустые бутылки летят из окон ДАСа на тротуар и звонко лопаются на асфальте к ужасу прохожих и очередному скандалу с администрацией. Постарался забыть тихие вечера в парке на Воробьевых, где Москва становится иной – с соловьями и цветущими яблонями ароматного мая; вечера с теплыми пальцами в руке...

«Только отвечай честно!» – потребовал бы неумолимый голос и Уфимцев потерялся с ответом.

В глубине души ответа на вопрос «зачем?» Игорь не знал сам. Он только отдавал себе отчет, что где-то, в чем-то угодил в тупик, почувствовав к концу второго курса, что в Москве его ничего не держит.

В поисках ответа он постоянно путался в формулировках, пытался объяснить себе, искал и находил причины. А когда не находил – придумывал. И это тоже была часть правды. А сама правда заключалась в том, что вдруг ему стало страшно тоскливо и скучно. Пригрезилось, что уже сейчас он может проследить свой жизненный путь от студенческой скамьи до гробового камня на кладбище где-нибудь в спальном районе столицы. Проследить на примере десятков, сотен, тысяч людей, с которыми он, Уфимцев, сталкивается ежедневно в магазинах, автобусах, метро, на остановках и просто на улице...

«Для чего все это?» – задал он себе вопрос, сидя на «паре» по синтаксису русского языка и не нашел ответа. Тогда он ушел. В криминальные репортеры областной ежедневной газеты. С двухмесячным испытательным сроком и с обязательной нормой в две тысячи строк в месяц: еженедельная криминальная хроника, информации о событиях, репортажи, корреспонденции, статьи...

В ежедневном столкновении с чужими радостями и бедами, поворотами судеб, характерами и привычками, дружбой и ненавистью он надеялся отыскать ответ. И был уверен, что на студенческой скамье его не найдет.

...Игорь, не торопясь, фланировал вдоль всей набережной до «стрелки» – косы, разделяющей Волгу и Которосль, на которой, по преданию высадился со своей дружиной основатель города князь Ярослав Мудрый. Обошел стадион «Юный спартаковец», «медвежий овраг», где, опять же по преданию, и было капище язычников древлян (или кривичей – кто их разберет), в котором лихой князь зарубил секирой местного топтыгина – тотема. Игорь повернул обратно: на часах было уже полтретьего, и следовало торопиться в УВД на брифинг, который давала пресс-служба для журналистов, пишущих на криминальные темы.

«Ничего необычного... – Уфимцев торопливо перелистывал сброшюрованные листки с мелким шрифтом – оперативную сводку УВД за неделю, – Бытовуха. Жена мужа ударила ножом на кухне на почве неприязненных отношений после совместного распития спиртных напитков. В присутствии двенадцатилетней дочери. Мерзость, но обыграть это можно. Что еще? Одно изнасилование. Три кражи. Грабеж. Убийство в Некоузском районе. Сцепились два механизатора. Один другого на вилы насадил. Вилы – оружие агрария. И еще топор... Ага, опять же после совместного распития... Все пьем и пьем, и пьем. Надо сегодня вечером с Буниным пивка попить в „Титьках“, кстати...»

Уфимцеву все было знакомо. Еще учась в Москве, он подрабатывал криминальным репортером в районной газете на прославленной Таганке. Столица нашей Родины в этом плане ничем не отличалась от русской провинции. Разница была только в том, что в последней все

происходило пьяней и бессмысленней. А в первой все чаще вместо вила фигурировал раздельный нож импортного производства.

«Хм, это что-то новенькое... Акт вандализма над могилой умершего и похороненного гр. Кружкина А. Б. 1913 г.р., в Рыбинском районе. Из этого можно даже сделать не просто заметульку...»

Уфимцев покосился на сидевшего рядом коллегу из конкурировавшей газеты, так же перелистывавшего сводки со скучающим выражением лица, и направился к столу напротив. За ним возвышался своей 185-ти сантиметровой костлявой фигурой, поглядывая на журналистов в обычной хитрованско-простецкой манере, капитан милиции, начальник пресс-службы УВД, которого, впрочем, вся областная пресса иначе просто как «Паша», не звала.

– Паш... – Игорь склонился над капитаном, чтобы не слышал «конкурент», – Ты какие-нибудь подробности по этому случаю знаешь? – он отчеркнул ногтем «абзац с вандализмом».

– Ну-у-у... – затянул по-вологодски своим трубным и вечно простуженным голосом капитан, – Да это ж обычный акт пьяного хулиганства. Ты же знаешь, что у нас молодежь на кладбищах вытворяет. Водку пьянствует и девок трахает. Прямо на могилах!

– Тише ты! – Уфимцев снова оглянулся на своего коллегу.

Тот, похоже, начал проявлять интерес к их разговору. Не хватало, чтобы еще и он «сел на хвост».

– Паш... – как можно вкрадчивее произнес Игорь, – Так это у нас в Ярославле. И то только на одном кладбище, Леонтьевском. Если, конечно, ваши сводки не врут. А это в Рыбинском районе. У них там зеленых насаждений и укромных мест, где можно водку жрать и девок лапать, и без кладбища хватает.

– Ну-у... Что я тебе скажу... Идет проверка. Но ты вряд ли что-нибудь из этого случая вытянешь. Пустьшка.

– Спасибо, товарищ капитан, за разъяснение! – громко произнес Уфимцев и вернулся к своему столу.

Он торопливо переписал в блокнот еще парочку случаев с «бытовухой», чтобы криминальная хроника получилась покровавее. Прицепил тройку ДТП («Гр. Гушин, В.В, 1962 г. р. будучи в нетрезвом состоянии, был сбит а\м ВАЗ – 2106, белого цвета. А\м с места происшествия скрылся.»), попрощался с начальником пресс-службы, пожал руку «конкуренту» и выскочил за дверь.

У Игоря в голове вспыхнула идея. Она жгла ему душу и смазывала скипидаром пятки.

Редактора ярославской областной газеты Алексея Николаевича Давидина, Уфимцев знал не меньше, чем Шурика Бунина. И возможно, лучше.

В областной «молодежке» Давидин, где Игорь успел поработать до службы в армии, был непосредственным, как говорят в войсках, начальником Игоря. Когда зеленый в прямом смысле этого слова (он носил зеленый джемпер грубой вязки – рукоделие матери), мало что умеющий, но полный энтузиазма стажер появился в газете, тогдашний редактор определил бывшего школяра как раз под начало Алексея Николаевича.

Тот не слишком жаловал нагловатого стажера. Заметки и репортажи Уфимцева правились беспощадной рукой. Тот терпел. Но когда случалось, что они вообще отправлялись в корзину, рано уверовавший в свой журналистский талант салага выуживал листы обратно, терпеливо разглаживал их утюгом и нес их на стол самому редактору молодежки. Шеф по каким-то своим «шефским» причинам недолго любил начальника отдела проблем учащейся молодежи, поэтому в пику ему отправлял писанину школяра в набор.

И когда по прошествии пяти лет бывший стажер снова появился на небосклоне Давидина, уже ставшего главным редактором популярной газеты, яростно ругающей коммунистов, борющейся с депутатами областного Совета (тем не менее, там столующейся в полном составе),

поддерживающей главу администрации, и умеренно-либерально покритиковывавшей президента, Алексей Николаевич сморщился.

Но сморщился не сильно: газете нужны были молодые журналисты, тем более с опытом работы и с перспективой получения диплома престижнейшего вуза страны. А что касается наглости... в журналистской работе без нее никуда. Строптивость же, как известно, проходит с годами. Кадрами разбрасываться было глупо, и он взял Уфимцева на работу.

Правда, не удержался-таки от возможности подгорчить пряник: Игорь принимался криминальным репортером на полставки с двухмесячным испытательным сроком. Это были грабительские условия: норму в две с половиной тысячи строк нужно было выполнять наравне с «авторитетами», которые могли себе позволить программные статьи объемом в полосу. Уфимцеву на первых порах никто таких объемов не давал.

Да и сама криминалка во все времена была не очень популярна среди журналистов прежде всего из-за своего запаха. Ну, чем может пахнуть криминал? Кровью, анашой, дерьмом, спермой, водочным перегаром, порохом, гуталином милицейских сапог и продезинфицированными в вошебойке эковскими бушлатами.

... – Алексей Николаевич! – Уфимцев молитвенно поднял руки выше головы, словно мусульманин, совершающий намаз.

Он сидел в кресле в дальнем углу кабинета. Между ним и Давициным было не менее двух метров пустого пространства, а проклятые кресла в кабинете шефа были так глубоки, что заставляли всех посетителей созерцать его сквозь собственные задранные к небесам коленки. При этом демонстрируя хозяину кабинета внутреннюю часть бедер.

Если бы кабинет Давицына посещали только одни женщины, Уфимцев еще мог бы понять изобретение главного редактора. Но причем здесь были мужчины? Тем более, что излагать суть вопроса в этом положении чертовски затруднительно. Вот и сейчас Игорь сидел в неприятной позе, вздымая руки к небесам. Правовверные мусульмане оскорбились бы, узрев такую картину. К счастью, они этого не видели.

Уфимцев пытался убедить своего шефа в целесообразности командировки в Рыбинский район.

– Алексей Николаевич, – с жаром и, как ему казалось, убедительно, говорил Игорь, – В сельской глуши просто так не рушат могилы. Даже если это акт пьяного вандализма, за ним должна стоять какая-то глубокая личная обида к покойному. Слава Богу, мы не в Прибалтике живем, где оболтусы, воспитанные на советские деньги, изгаляются над памятниками советским же солдатам...

– Это что за коммунистическая пропаганда, Игорь? – поморщился Давицин, – выбирай примеры поудачнее.

– Пример удачен. Мой дед получил в этой Прибалтике контузию в сорок четвертом. Освобождал от немцев Шауляй и при этом в партии не состоял.

Давицин сделал вид, что не заметил сентенцию.

– Пойми, – ответил он, крутя в пальцах очки в тонкой золоченой оправе, – Я не могу отправить тебя в командировку на основе такой куцей информации. Несколько строчек в оперативной сводке милиции и – вагон твоих домыслов. А если проедешь впустую?

Уфимцев глубоко вздохнул и обреченно произнес:

– Притащу репортаж из жизни райотдела милиции. Как они там борются... с иконниками, например! Это в качестве обязательной нагрузки, Алексей Николаевич!

– У нас в Рыбинске есть собкор, – продолжал защищать свои бастионы редактор, но уже не так убедительно.

«В конце концов, – думал он, – у нас действительно мало живых материалов из глубинки. Собкоры боятся критиковать местное начальство и поэтому чаще всего дают серую информацию, без красок и ярких примеров. На этом тираж не вытянешь. Конечно, их можно понять:

они там живут, а придавить человека в глубокой провинции, отравить жизнь до конца его дней, наши начальнички еще с прошлых времен выучились и привычку эту не растеряли. ... Впрочем, газете от этих оправданий не легче».

– Ладно, произнес слух Давицын, – Отправляйся. Когда планируешь ехать?

– Завтра.

– Со следующего понедельника. На этой неделе лимит командировок исчерпан. Да... и пригласи ко мне секретаршу. И... вот что еще! – Давицын остановил у порога кабинета уже собирающегося выйти Уфимцева, – Возьми фотографа, своего друга Бунина и дуйте сегодня на конкурс красоты «Мисс Волга». Там сегодня дают шоу в ДК моторостроителей.

– Москвичи?

– А что, разве в Москве Волга протекает? – деланно изумленно приподнял брови редактор, – Что-то мне об этом неизвестно. Нет, организаторы из Самары. Приплыли к нам на теплоходе.

– А почему отдел культуры не пошлете?

– Игорь, – вновь поморщился главный, – не переводи стрелки на других. Тебе дано задание – выполняй!... А что касается отдела культуры – сам подумай: там же одни женщины. Они на такие вещи совершенно по-другому смотрят. И про этих длинноногих див такое понапишут! А своего друга Бунина захватишь потому, чтобы у вас в материале было две точки зрения. Один будет критиковать, другой – защищать. Да и обленился что-то твой приятель за последнее время – норму не выполняет. Пусть поработает. Свободен!

– Есть! – Уфимцев глумливо изогнулся в верноподданическом поклоне и вышел.

Секретарь имела давнюю привычку не сразу после приглашения шефа, а спустя минуты три. Что она хотела этим сказать или доказать – выдержать паузу, чтобы подчеркнуть собственное достоинство, Давицын не задумывался. Он просто принял это к сведению и сейчас, вспомнив о раздражавшей раньше манере своего секретаря, подумал, что это даже хорошо: есть время поразмышлять.

Главный редактор глотнул уже остывший чай, отставил далеко от себя кружку и подошел к окну. За окном кабинета, на асфальте, расположенном не уровне пояса (редакция располагалась в полуподвальном помещении дореволюционного особняка) метались резкие тени от качающейся под ветром рябины.

«Скоро будет осень, – думал Давицын, – Граница света и тени становится ярче. Это первый признак. Первая осень моего редакторства. Как меняются карты судьбы... Разве я мог подумать еще пару лет назад, что буду начальником целого коллектива, редактором крупной областной газеты. Если бы кто-нибудь мне об этом рассказал в то время, когда я был всего лишь преподавателем философии в нашем университете, я бы рассмеялся...

И все-таки я правильно сделал, что сумел отодвинуть от редакторского кресла этого писателя, диссидента. Эмоции и студенческие идеалы смешны в сорокалетнем мужчине. Эта порода может только критиковать, кричать и взывать к совести. А вот что-то построить... Строить нужно в рукавицах, а не в белых перчатках, которые они не хотят снимать. Как там у Стругацких? «Когда Бог берется чистить нужник, он не должен бояться, что у него будут грязные пальцы». Грязные пальцы – удел каждого строителя. Критиковать легче...

А я строю. И построю, хотя это нетипично для философа. Философы должны заниматься другим. Выходит, я плохой философ...

Что касается этого самонадеянного мальчишки, Уфимцева, то из него можно построить неплохого журналиста. Горяч, правда, но не таких жизнь обламывала. Покрутится в нашей каше годика четыре, растворится в коллективе, станет своим среди своих... Сейчас он еще чувствует себя чужаком, еще полон столичного снобизма. Как быстро въедается в людей этот снобизм! Видимо, это от желания людей выделиться среди себе подобных. Я и сам был такой, когда приехал в этот город после философского факультета МГУ.

Мечтал постичь и переделать мир. Переделал ли я его? Сейчас я просто надеюсь, что привношу в него что-то свое и не более того. Одновременно считаюсь с ним... Уфимцев это поймет. Надеюсь. А пока он увлечен творческим самоутверждением. Ну что ж, это неплохо. Как говорил Марк Твен, кто в юности не был анархистом, тот в зрелости не сможет руководить даже пожарной командой...»

Уфимцев, выйдя из маленького «предбанника» редакторского кабинета, где сидела секретарша, остановился покурить в узком коридорчике напротив входной двери.

«Чертов ретроград, формалист, – думал он, – Привык работать в отделе учащейся молодежи на основе уже установленных фактов. Если „двоечник“ – то дебил; круглый „отличник“ – глобальный умница и вообще душа-человек. А в фактуре нужно ковыряться, открывать свое, ранее неизвестное людям...»

В глубине души Игорь чувствовал, что вовсе не по этой причине он вызвался раскапывать бесперспективное дело об оскверненной могиле – «висяк», как его обычно называют в ментовке. Ему просто до оскомины надоело описывать бесконечные пьяные драки, поножовщину и угоны автомобилей. Они были все похожи друг на друга, и Игорь чувствовал, что задыхается, пытаясь в своих газетных материалах внести в эту дурно пахнущую мусть хоть какое-то разнообразие.

Он вцепился в разворошенную могилу неизвестного бедолаги, как пес в кость, еще не замусоленную братьями по помойке. В глубине души Уфимцев не верил, что сможет откопать здесь нечто интересное. Но он мечтал просто о каком-то свежем впечатлении. Разве он многое просит? Стоило переводиться из университета, чтобы копаться в мерзком, грязном белье бытовых преступлений...

Тут, совсем некстати, Уфимцев вспомнил про дурацкие кресла в кабинете главного редактора и раздраженно плюнул в банку из-под бразильского кофе, заменявшую в коридорчике – курилке пепельницу. «Чувствуешь там себя как в гинекологическом кресле» – подумал он.

Игорь затушил сигарету и пошел к себе в кабинет. Впрочем, «своим» он мог назвать его лишь с большой натяжкой. В бывшей комнате коммуналки кроме Игоря располагалось еще пять человек, работающих аж в двух отделах: информации и экономики. Уфимцев числился в первом, Бунин – во втором, сидя за соседним столом с Игорем.

Шурик уже был на месте. Он оторвался от листа бумаги, на котором размашистым почерком сочинял очередной материал (гэдээровская пишущая машинка «Эрика» была одна на весь отдел) и сказал Уфимцеву:

– Игорек, перекурить со мной не желаешь? Разговор есть.

– Только что курил, Бунчич, – ответил Игорь, – Но поговорить не откажусь. Пойдем, я рядом с тобой просто так постою.

– Болван ты, Игореха, – заметил Бунин, – Ну какой я тебе Бунчич? Это ж еврейская фамилия, а я наполовину мордвин.

– Не расстраивайся, – хмыкнул Уфимцев, подмигивая симпатичной студенточке Анечке, стажировавшейся в газете. Она с любопытством прислушивалась к пикировке. – И среди мордвы тоже евреи случаются. Ты – один из них.

– Так ты что, антисемит? – не сдавался Александр, – Я вот твоему начальнику отдела скажу, Шведу. Он терпеть не может антисемитов. Он сам семит.

– Семит. Еще как семит, – подтвердил Уфимцев, – Только ничего не говори ему, Бунин. Очень прошу. А то, когда у нас все окончательно развалится, меня в Израиль не пустят...

– ...И какую же ты себе фамилию выберешь? – ехидно спросил возникший в проеме дверей Швед, услышавший окончание разговора.

– Уфман, Яков Михайлович, – ответил Игорь, увлекая Бунина в коридор, – Уфкац или Уфштейн. На ваше усмотрение, Яков Михайлович. Я в этом вопросе вам полностью доверяю.

Швед иронично шелкнул языком, добродушно бросил в спину Игоря словечко «холера» и уселся за стол сочинять заметку о местной футбольной команде, которой в который раз прочили большое будущее. Но она об этом не подозревала, иначе бы не продулась в пух и прах на своем поле.

... – Ну, что хотел? – спросил Игорь минуту спустя, устроившись на скамейке курилки.

– Я тут вечером очень любопытную картинку увидел, – криво усмехнулся Бунин, – Еду в трамвае, смотрю: знакомая девушка на задней площадке стоит. И не просто стоит, но еще целуется с каким-то субъектом. Присмотрелся я к субъекту и вовсе обалдел: субъект-то тоже знакомый...

– Какой ты, однако, наблюдательный... – мрачно заметил Уфимцев. (Ну, что за день такой – все к одному!), – Ну и что с того? Она твоя жена?

– Меня интересует вопрос: когда ты успел? – с какой-то болезненной улыбкой на губах продолжал Бунин, – Неделю назад я привел ее в редакцию показать, как газета делается. И, насколько я помню, вы вообще не были знакомы. А тут...

«Черт, – подумал Уфимцев, – а я-то ломал голову – где ее раньше видел?»

– Шурик, я не понял... Я тебе перешел дорогу? – произнес он вслух.

– Вообще-то нет, – снова криво улыбнулся Бунин и вытащил еще одну сигарету из пачки. – Просто я тебя предупреждаю, Уфимцев: у тебя ничего не получится. Ей не то нужно, не такие парни, как ты...

– Такие, как ты? – исподлобья глянул на Бунина Уфимцев.

«Та-ак, – думал он, – Начинается любовная мелодрама под условным названием «Зачем ты, гад, мою девушку увел. Ведь ты ее погубишь!»

– Нет, Игорь, – жадно затянулся сигаретой Бунин, – Такие, как я, ей тоже не нужны.

– Успокойся, Сашка... – Уфимцев попытался положить руку на плечо Бунину, но тот отшатнулся.

– Успокойся, – повторил он, – Я тоже пока не понял, что ей нужно. И вообще... («Чего это перед ним распинаюсь», – подумал он внезапно) – Иди ты к черту! Я свои любовные дела даже с друзьями не обсуждаю.

– А я тебе не друг, – тихо ответил Шурик.

– Тем более... – все так же зло произнес Уфимцев, – Коллега, однокабинетник и...

Он сделал паузу.

– Что «и»? – с вызовом повторил Бунин.

Злые и несправедливые слова «бывший в употреблении любовник» так и не были произнесены Уфимцевым. Он почувствовал, что даже не дружба, а просто приятельские отношения между ними, поставлены на кон. Они уже раскачиваются на лезвии ножа, готовые сорваться вниз... И даже не на лезвии ножа, а на волосе восемнадцатилетней высокой брюнетки, которая еще сама не определилась, что и кого она хочет.

– Иди ты в баню! – буркнул Игорь и, толкнув плечом Бунина, вышел на улицу.

«Вот тебе и профессиональная память на лица! – думал Уфимцев, прогуливаясь с сигаретой в руке во дворике редакции, – Эх, я лопух... Действительно, месяц назад ее приводил сюда Бунин. Не, Ярославль – не город с семисоттысячным населением, а большая деревня».

Тогда Игорь не обратил особого внимания на эту девушку, несмотря на ее яркую красоту. Высокая брюнетка с отличной фигурой, темно-синие глаза... Южно-русская красавица, каких много на Украине, и какие редко залетают в широты севернее Москвы. Тогда, занятый длинным и нудным телефонным разговором с читателем, Уфимцев лишь отметил эти качества и – все.

Он старался игнорировать красавиц, в глубине души не доверяя им. Слишком яркая раскраска в животном мире служит для приманки потенциальных жертв. В том, что в вопро-

сах пола человек подчиняется не разуму, а эмоциям, и тем самым достаточно близко стоит к представителям фауны, Игорь уяснил для себя уже давно. Ко всему прочему, он считал себя достаточно воспитанным, чтобы в открытую не глазеть на красивых девушек, словно дикарь из племени «Отдай – мою – буханку» на гляцевую обертку шоколадки «Аленушка».

Неделю назад Уфимцев ехал после работы на трамвае. Проехав пару остановок, он почувствовал прямо-таки магнетическое влечение: его так и тянуло посмотреть на заднюю площадку. Уфимцев глянул раз, другой, третий... С четвертого он уже не спускал глаз с нее, со скромным «хвостом» черных волос на голове и простеньком летнем сарафане.

В итоге Уфимцев проехал свою остановку, вышел вслед за незнакомкой. Покорно, как теленок, зашел за ней во двор. Он действительно не вспомнил в ней ту, что приходила с Буниным в «контору». Но она наверняка его запомнила. Да и робость взрослого парня льстила...

У подъезда он нагнал девушку с сакраментальной фразой (на тот момент ничего более остроумного он придумать не мог, но она, эта фраза, более всего подходила к этой ситуации):

– Девушка, извините ради Бога, мы с вами нигде не встречались?

И чтобы незнакомка не приняла его за полного идиота, добавил:

– Не бойтесь, я не сексуальный маньяк. Маньяки в час пик в трамваях к девушкам не пристают.

– А я и не боюсь, – ответила Юлия и улыбнулась так откровенно, что Уфимцев мгновенно взопрел и не нашелся, чего ответить.

...Теперь, прокручивая в голове тот конец рабочего дня, когда неестественно-возбужденный Бунин привел в редакцию эту яркую девушку, Уфимцев понял, что та встреча была далеко не случайна: Юлия – «цепляла».

Цепляла с первого взгляда, как цепляет первый же глоток хорошей водки на голодный желудок. И то, что Игорь с первого раза не заметил ее лица, было всего лишь его защитной реакцией. Он вспомнил отчетливо и откровенно, что взглянул на нее всего лишь раз и тут же отвернулся, почувствовав, как сжалось у него в груди.

Шурик в то время оживленно болтал, усиленно стараясь «произвести впечатление». Юлия смотрела на Бунина синими глазами, в которых застыло выражение ребенка, со всей серьезностью своей наивной души ждущего чего-то чудесного. Чего? Ребенок этого не знал толком. Он только попал в этот неизведанный серьезный мир, полный взрослых тайн и скрытых возможностей. И ждал от него только хорошего.

Не просто «хорошего», а сказочного, выполняющего все мечты детства. И обшарпанная комнатка полуподвального помещения с замасленными темно-зелеными обоями, подслеповатыми окошками, канцелярскими ободранными столами, заваленными бумагами, непрерывно звонящими телефонами – все это казалось таинственным и загадочным, важным, где серьезные люди творят свои важные дела. Все это не могло не быть не чудесным, потому что принадлежало чудесному взрослому миру. Миру, где живет принц, который на стремительной шхуне под алыми парусами появится из прекрасного далека, и тогда скрипка пропоет над океаном...

И толстогубый, с толстенькими очками на носу, Бунин казался ей добрым и наивным привратником перед окованными золотом дверьми в эту новую вселенную. Он, как добрый волшебник из сказки, рассказывал, как здесь все устроено, чтобы ты, девочка, потом не попала впросак. Алиса в гостях у Чеширского кота...

Этот ребенок еще не осознавал своей расцветающей юности, не обращая внимания на становящиеся более плавными движения гибкой фигуры. И даже чуть стыдился своей высокой груди. Но женщина уже просыпалась в ней, инстинктивно заставляя одевать узкие футболки, выгодно подчеркивающие грудь и прямые плечи; джинсы – плотно охватывающие длинные ноги, округляющиеся бедра и узкую талию. Она еще не научилась пользоваться своей красотой как оружием и бескорыстно демонстрировала ее загорающим мужским глазам. Но... Она очень быстро училась.

...На следующий день они пошли в кино. Игорь смотрел «Девять с половиной недель» с Микки Рурком и Ким Бессинджер еще в Москве. До провинции эта картина докатилась спустя полгода, хотя эта самая «провинция» отстояла от столицы всего лишь на триста километров. Выйдя вместе с Уфимцевым из касс кинотеатра «Родина», Юлия посмотрела на часы и мило сморщила носик:

– Час до сеанса. Как бы их убить?

Игорь предложил зайти в недавно открывшееся частное кафе, директором которого был его одноклассник. Однако вместо чашки кофе они угодили на торжество. У приятеля был день рождения. Заведение было закрыто на спецобслуживание, и за столом, на котором не было разве только ананасов в шампанском, уже сидело человек пятнадцать.

После тридцати минут, двух рюмок водки для Игоря и трех глотков модного ликера «Амаретто» для Юли, кино само собой отменилось.

Вопросы добра и зла, свободы и зависимости в любви, маски Януса, которые надевают влюбленные, трагедия героя Рурка и отлакированной красавицы Бессинджер, с которой Микки – вот свинство! – обращался на съемках фильма просто по – хамски, отступили куда-то в тень. Растворились до поры до времени. На самом деле, какое тебе дело до киношных страстей, когда сидишь на отличном банкете в реальном измерении времени, где все тебе рады. А рядом с тобой находится девушка, которую считаешь самой красивой на свете...

Вечер прошел прекрасно. Уфимцев провожал девушку домой. Пешком. Улицы были уже пусты, и лишь листья деревьев сквозь свет фонарей отбрасывали на тротуар пляшущую тень. В одном из скверов Игорь подхватил Юлию на руки.

...Опустил ее на землю в темной подворотне лишь для того, чтобы прижать спиной к стене дома, поцеловать в губы. Она ответила со стоном, в котором было больше страсти, чем истомы, больше жажды игры, чем чувства...

Потом девушка вырвалась, и он понесся за ней по проезжей части, уворачиваясь от редких машин. Он поймал ее у следующего перекрестка и там снова заключил в объятия. Губы ее были то мягкими и податливыми, то сжимались в тугое кольцо... Автомобили гудели, водители показывали на лоб, но они не обращали ни на что внимания. Что может быть более захватывающего, чем целоваться на перекрестке под цветомузыку светофоров, какофонию автомобильных гудков и возмущенных возгласов. Любовь – это ведь вызов миру?

А потом был трамвай. И снова поцелуи, которые, оказывается, видел Бунин, следивший за ними, подобно ревнивому старцу, с передней площадки. На следующий вечер – вторая попытка просмотра «Девяти с половиной...». Споры о сути любви. И – огромное черное небо над головой – усыпанное мириадами звезд. На третий – прогулки с ее собакой. Здоровенный эрдель Юльки носился по пустырю кругами. А они то стояли на самой середине собачьей площадки, замерев, то начинали бегать наперегонки с собакой и тогда окрестности оглашались ее смехом и его задорным «ого-го!»

А потом все кончилось.

Еще одна прогулка под звездным небом, еще одно кино, снова собачий пустырь, по которому рыжим метеором носился веселый пес...

Но уже исчезла их беззаботность. Юлия становилась все более рассеянной, невнимательной к ее словам, его шуткам, попыткам развеселить. Она ждала. Чего именно, Уфимцев понял гораздо позже: новых впечатлений, ощущений. Ждала продолжения праздника. Юная любовь не терпит однообразия и рутины. Ее и так много в обыденной жизни.

Он этого не понял. Удивлялся вдруг появившейся холодности и в телефонных звонках становился все более настойчивым и... скучным. Любовь не любит ни того, ни другого. Она любит разнообразие, легкость и ненавязчивость.

Еще пара звонков по телефону, и Уфимцев понял: он что-то безвозвратно упустил. И теперь это «что-то» превратилось в каменную стену, которую ему уже не пробить. И даже

если он примется исправлять ошибки, делать все правильно – все это будет втуне. Любовь не любит разочарований. Она может простить все, кроме разочарования в человеке, который вдруг из всемогущего принца превратился в обыкновенного, земного. Вон сколько их ходит по улицам – с обыкновенными, серыми, скучными лицами.

И если она даже попробует простить, попробовать начать все заново – останется рубец, след слома. Вновь склеенная тарелка годна к употреблению, но она ненадежна и лопается при больших температурах по вновь наложенному шву. Теперь она может быть использована только для холодных блюд. Для салата из морковки и свежей капусты. Он полезен для здоровья, но – пресен. А любовь заваривается совершенно из других компонентов и при других температурах.

– Ты чего такой задумчивый? – во двор вышел новый приятель Уфимцева Аркадий Сальнов.

Сальнов начал работать в редакции всего несколько дней назад. В следующем году он заканчивал журфак Воронежского университета, имел полгода для написания диплома, и практически решил не терять время даром – подыскать место постоянной работы. Ему было уже под тридцать, плюс жена и маленькая дочь.

Несмотря на разницу в возрасте и семейном положении, Уфимцев и Сальнов сразу начали симпатизировать друг другу. Сказалось то, что они были новичками в газете. Три дня и два месяца – разница невелика по сравнению со стажем людей, проработавших в этой газете по несколько лет. К месту пришлось и то, что Аркадий «срочную» отслужил в Афганистане. Игорь уважал «афганцев», хотя прекрасно понимал, что среди них встречаются самые разные люди. Уважал за опыт и боль непонимания, которые они несли в себе, поколение детей невоевавших отцов.

... – Да так, ерунда... – отозвался Игорь и затушил сигарету.

В проеме двери появился Бунин:

– Шеф мне сказал, что мы с тобой сегодня должны идти на конкурс красоты. Так вот... Я отказался.

Уфимцев удивленно поднял брови.

«Интересно, – подумал он, – неужели он рассказал о причине Давидину? Это же смешно...»

– Я сказал, что заболел, – произнес Бунин, словно прочитав его мысли, – Придется тебе одному с фотографом топтать.

– Жаль, – пожал плечами Уфимцев, – Там должен был получиться отличный материалчик...

Бунин, посмотрев на Игоря презрительно и удивленно, как человек, сделавший неприятное открытие, зашел обратно в редакцию. Его поразил цинизм Уфимцева, способного общаться с тем, с кем произошла ссора. ТАКАЯ ссора, из-за девушки. Игорь же считал, что в этой жизни должны быть «котлеты отдельно, а мухи – отдельно»: личные неприязни не должны влиять никоим образом на исполнение профессиональных обязанностей.

– Может, ты со мной сходишь? – обратился Уфимцев к Сальнову.

– Мне сегодня нужно материал сделать. Подозреваю, на это уйдет целый вечер. Да и по конкурсам красоты вам, холостякам, шататься сподручнее...

Глава вторая. Экспорт красоты

На крыльце дворца культуры моторостроителей, высокого здания из стекла и бетона, облицованного белым камнем в стиле «позднего брежневского постмодернизма», толпилось с десятков журналистов. Простые зрители, пожелавшие посмотреть на длинноногих красоток, проскакивали в ДК тонкой прерывистой цепочкой, сжимая в руке синенький листочек. Через короткий промежуток времени они выходили обратно, засовывая в кошельки свои кровные. Шел возврат билетов.

Устроители шоу просчитались, организовав выездной конкурс красоты в конце августа. Народ в это время больше озабочен не созерцанием красавиц, а проблемами уборки урожая на своих дачно-огородных сотках, которые будут кормить всю семью в течение года. Поэтому было продано всего пятьдесят билетов. Шоу сорвалось.

Журналисты расходиться не спешили, ожидая пояснений от главного менеджера конкурса – молодого импозантного человека лет тридцати в безукоризненно сшитом костюме. Менеджер нигде не появлялся без свиты: двух девушек в брючных тройках ростом на голову выше своего шефа. А также секретаря – бледного субъекта неопределенного возраста с неизменным перекидным блокнотом в руках. Субъект говорил фальцетом, после каждой фразы нервно передергивал плечами, и манерой томно растягивать слова сильно напоминал картинного представителя сексуального меньшинства, как их обычно изображают в кино и в анекдотах.

В ожидании комментариев журналисты лениво курили и рассматривали припаркованный прямо на высоком крыльце ДК (никто из аборигенов на такую наглость никогда бы не решился) приземистое серо – никелированное тело мотоцикла «Харлей – Дэвидсон». Судя по всему, мечта байкеров всех времен и народов принадлежала одному из участников шоу.

Минут через двадцать, когда пресса устала ждать и пришла к выводу, что пора расходиться – у каждого под языком и пером скопилось уже достаточно яда и желчи, чтобы выплеснуть на шоуменов с телеэкранов и страниц газет, на крыльце вновь появился исчезнувший перед этим менеджер. Девушек уже рядом с ним не было. Вместо них вышагивал мускулистый юноша, с ног до головы затянутый в кожу – владелец мотоцикла. На голове байкера красовался живописный бандан красного цвета с белыми лепестками.

При виде красавца женская половина представителей «четвертой власти» заметно ожилилась. Но зря: менеджер сердечно расцеловался с байкером, после чего мотоциклист с ревом укатил, не удостоив провинциалок даже мимолетным взглядом.

После отъезда мачо сразу обнаружил всплеск энергии гомосексуальный секретарь. Он протиснулся поближе к шефу и что-то зашептал ему на ухо, показывая глазами на раздраженную прессу.

Менеджер кивнул и шагнул навстречу журналистам. У него с лица сдернули маску греческой трагедии, поменяв ее на прямо противоположную – широко и радушно улыбающуюся.

– Извините, господа, – произнес он, – Произошла накладка, она нас особо не обескураживает: в провинции еще не привыкли к подобным шоу, поэтому надо быть готовым к любым неожиданностям.

– Можно полюбопытствовать, чем это Самара столичнее нашего города? – ехидно полюбопытствовал Володя Стасов, бородатый, под два метра ростом, вечно желчный, но не лишенный злого остроумия журналист из городской газеты

Менеджер понял, что дал маху, и решил сразу же исправить ошибку:

– У Самары те же самые проблемы. И поэтому... – он решил взять ситуацию в свои руки, – мы для лучшего информирования людей надеемся на помощь прессы. Не беда, что вы не увидели шоу. В конце концов, мы так просто не отступаем от намеченных целей и пла-

нируем вернуться в ваш город осенью, когда население сможет немного расслабиться после битвы за урожай на своих участках...

Шоумен первым улыбнулся на свою шутку, заметив удовлетворенно, что журналисты стали слушать более заинтересованно и даже включили диктофоны.

– Но мы уже сейчас собираемся исправить недочет в освещении фестиваля, – продолжил он с большим воодушевлением, – и хотим рассказать нашим читателям и зрителям, что же из себя, собственно, представляем! Для этой цели я приглашаю всех вас, господа, на наш теплоход. Там вы можете выпить коньячку и в непринужденной обстановке поговорить с конкурсантками. Хочу вас уверить, господа, это не только длинные ноги и красивые головки. Вы сами сможете убедиться, что в этих очаровательных женских головках тоже есть мозги!

Закончив свой спич на кудрявой фразе, менеджер выдержал паузу, словно ожидал аплодисментов. Естественно, их не было, поскольку пишущая братия усиленно царапала в блокнотах, по определению не склонная к проявлению бурных восторгов. Тогда менеджер деланно-оживленно поинтересовался, нужен ли для журналистов автобус или они сами доберутся до речного порта. Услышав брошенную вполголоса реплику Стасова, по-прежнему недовольного столичным снобизмом самарского гостя, что мол, сами знаем дорогу, управляющий красотками довольно, словно услышал комплимент, улыбнулся:

– До встречи на теплоходе, господа!

Вслед за этим выдавил из себя жеманную улыбку и его секретарь.

... – Как тебе это все нравится? – поинтересовался у Игоря Стасов, глядя на вихлястую спину секретаря, удалявшегося от журналистов последним.

Уфимцев пожал плечами:

– В этой сфере всегда крутятся люди подобного сорта. Но... сходить и посмотреть нам ничего не мешает. Поднаберемся впечатлений, злее будет материал.

Белый речной теплоход, ошвартованный у стенки причала, сверкал огнями и гремел музыкой. Рядом с матросом, стоящим у трапа, гостей встречала крашеная платиновая блондинка лет сорока. Она представилась помощницей, а также женой «главного устроителя этого мероприятия» (по ее определению), и тут же предложила подняться на верхнюю палубу. Там столичные гости, сопровождавшие шоу в поездке, уже угощались коктейлями и просматривали на видео запись конкурса стриптиза, который, как выяснилось, тоже проходит в рамках «конкурса красоты».

...В большой застекленной надстройке, чем-то напоминающей капитанскую рубку (по – сухопутному ее обозвали бы просто «холлом») на полочке у стены мерцал телевизор. Однако не девушки, которые раздевались перед камерой, в первую очередь привлекли внимание Уфимцева.

Над Волгой полыхал закат. Волны реки брызгали оранжевыми, желтыми, красноватыми бликами, словно некий чародей раскидал по ней множество бутафорских апельсинов с новогодней елки. И теперь они весело прыгали по воде, сверкая боками и разбрасывая искры света во все стороны.

Садившееся солнце заливало розовым все вокруг: мост, берега, здание речного вокзала и белые строгие линии теплохода. Множество стекол в импровизированном видеозале раздвигали границы помещения, и казалось, что эта «видеорубка» уже плывет, растворяясь в игре красок вечера на великой русской реке.

В мягких креслах «рубки», вольно раскинувшись, сидело пять мужчин самого разного возраста. Все они, словно, по команде, держали в правой руке по высокому коктейльному бокалу, из которого регулярно делали по глотку. Игорю показалось, что и глотают они тоже одновременно. Все они смотрели на экран телевизора.

Юная гетера с гладкой прической танцевала под приглушенную музыку, медленно разматывая со своего тела серебристую длинную материю. Судя по всему, кроме этого длинного лоскута блестящей ткани, на ней ничего не было. Лоскут разматывался, тело извивалось в такт медленной томной музыки... Вот обнажилась грудь... «Члены жюри» дружно отхлебнули из бокалов...

В этот момент полный седой мужчина, заметив вошедших, нажал кнопку дистанционного управления. Девушка нервно дернула левой грудью и замерла, обиженно мерцая в цветном экране. В зале раздались несколько недовольных возгласов.

– Внимание, господа! – произнесла сопровождавшая журналистов платиновая блондинка, – Это представители местной прессы. Они будут писать о нашем шоу. ... Присоединяйтесь, господа, – повернулась она к вновь прибывшим.

– Будем знакомы... э-э, коллега... – пророкотал приглушенным басом полный, протягивая руку Уфимцеву. Игорь узнал в нем известного московского журналиста. Уфимцев отрекомендовался, сделал шаг вперед и подал ладонь следующему, мужчине средних лет с выбритым до синевы богемным лицом и, как показалось Игорю, подведенными глазами.

– Борис, – прожурчал он, протягивая руку ладошкой вниз.

Уфимцев на мгновение в затруднении замер – обычно так делают при знакомстве женщины, поднося свою кисть, словно для поцелуя. Он исхитрился, ухватил протянутую ладонь с боку, пожал ее и только собирался отпускать, как с удивлением, возмущением и стыдом почувствовал, как пальцы этого странного Бориса острыми ногтями (Игорь мог поклясться, что они наманикюрены) поцарапали – пощекотали внутреннюю сторону его ладони.

Он прекрасно знал смысл этого знака – намек, поэтому резко отдернул руку и поспешил отойти подальше. Познакомившись еще с одной парочкой ценителей женской обнаженной красоты, которые при рукопожатии оказались нормальными мужиками, не выдав двусмысленных финтов, Игорь сел в свободное кресло и осторожно покосился через плечо: макияжный Борис ласково и укоряюще смотрел на него.

Уфимцев резко вернул голову с исходное положение и раздраженно подумал:

«Странно, где-то эту физию я уже видел. Явное афиширование своей гомосексуальности, словно старательное исполнение раз и навсегда выбранной роли, попытки произвести эффект даже с помощью скандала... Тьфу, черт, это же Моисеев! Я ж его видел на концерте и на какой-то эстрадной московской тусовке. Надо от него держаться подальше, а то отчебучит что-нибудь – свои же засмеют».

Уфимцев напустил на себя вальяжный вид под стать остальных участников смотрин, лениво поднялся, взял с низкого журнального столика высокий бокал, наполнил его мартини, вернулся в кресло и сосредоточил свое внимание на экране телевизора.

...Девушка вскоре освободилась от блестящей ткани, оставив на себе только туфли на высоком каблуке. Прогнувшись чуть ли не до пола в сторону камеры («эксперты» при этом заметно оживились и сделали еще по одному глотку из своих бокалов), она медленно выпрямилась, подхватила свою «лягушачью кожу» и исчезла с поля видимости.

Ее место заняла пышноволосая и пышнотелая, но тем не менее пропорционально сложенная брюнетка восточного типа. Камера сместилась вправо, продемонстрировав зрителям блестящий металлический шест, закрепленный одним концом на подмостках. По энергичную музыку «Куин» брюнетка не менее энергично обхватила ногами шест и, вращаясь вокруг него, стала разбрасывать некие лоскуты, в которые она была облачена.

Уфимцев подавил в себе внутренний протест: в качестве музыкального сопровождения была выбрана композиция Фредди Меркьюри «Шоу не кончается». Игорь любил эту песню не только за музыку, но за ее глубокий трагически-философский смысл.

Композиция не очень вязалась с тем, что происходило на экране. Но Уфимцев приказал себе излишне не эстетствовать, отнес выбор фонограммы к дурному вкусу аранжировщика и,

успокоившись, с любопытством стал наблюдать за саморазоблачением артистки. Он постарался уничтожить в себе долю неловкости от сознания, что на обнажающиеся гениталии стриптизерки смотрели кроме него еще около десятка человек, и переключился на решение вопроса, каким образом держатся на ее теле разноцветные лоскуты ткани.

– Неплохое решение, правда? – вполголоса обратился к Уфимцеву седой столичный журналист, с которым Игорь познакомился первым.

– Ага, – кивнул головой Игорь и тут же задал встречный вопрос:

– Скажите, а почему вы все это смотрите в записи?

Столичный монстр пера снисходительно улыбнулся:

– Все, кого вы здесь видите – своеобразное зрительское жюри. Его не допускают на настоящий просмотр, где присутствуют только профессионалы. Не пускают потому, чтобы не смущали девушек и не смущались сами, что может помешать нам вынести справедливый вердикт.

– Смущали девушек? – переспросил удивленно Игорь, – Но ведь они стриптизерки! Это их работа – как же тогда они смогут выступать перед большой аудиторией?

– Хм... – одобрительно промычал член зрительского жюри, – Вы хорошо разбираетесь в специфике этого вида искусства...

При слове «искусство» Уфимцев иронически сощурился, но член жюри этого не заметил.

– Дело в том, – продолжил он, – Что они не профессионалки. Большинство из них – представительницы самых «мирных» профессий вроде парикмахерш, секретарш мелких контор и даже домохозяйек. В нашем случае они решили попробовать выйти из привычного круга, сбросить, так сказать, серое прошлое и окунуться в блестящее будущее. Девушки еще не доросли до понимания своей обнаженности просто как одной из разновидностей костюма, понимания настоящих профессионалок. Поэтому жюри, чтобы не смущать их, и не мешать из-за этого качественно выполнить свою работу, состоит всего из нескольких человек. А что скажете вы? – спросил журналист Игоря, – Нравится?

Уфимцев пробормотал что-то вроде «сами номера оригинальны, но я не специалист по стриптизу, тем более, что оператор не совсем профессионал...» и постарался замять разговор. Член зрительского жюри снисходительно, словно опытный мэтр, знакомый со всеми тонкостями бытия и не входящий в смущение от чего бы там ни было, посмотрел на Игоря, словно на несмышленного неопита, только постигающего премудрости жизни, и снова обратил свой взор к экрану.

«...Блестящее будущее, – думал Уфимцев, – Как мелок и пошл мир этих девчонок, если они раздевание под музыку на подмостках стрип-бара считают „блестящим“. Что же касается этого павиана... – он покосился на „члена зрительского жюри“, вновь наполнившего бокал и с удовлетворением созерцавшего прелести начинающих стриптизерок, – Этот хмырь прекрасно все понимает, но что ему? Две недели плавания на теплоходе на полную халяву в обмен на несколько хвалебных статей в столичной прессе в обществе красивых телок, которые не откажутся дать за несколько благожелательных строчек о них в газетной статье... Это тебе не в обществе старой сварливой супруги сидеть. Если бы он верил в Бога, то это можно было бы сравнить с продажей душ дьяволу. Как же иначе можно назвать потворство в продаже стрип-бизнесу этих дур? Впрочем, он это сделал гораздо раньше, а сейчас только верно и преданно служит».

Игорь вспомнил размазанное по асфальту тело бывшей студентки филологического факультета МГУ, в последнее время – сошедшей с круга артистки стриптиз-бара Светы, мечтавшей о красивой жизни, муже – иностранце и собственном «Вольво». Она так и не смогла научиться относиться к своему телу «профессионально» и каждый свой выход подстегивала сначала коньяком, потом кокаином. Все закончилось падением с двенадцатого этажа студенческой общаги. Она упала спиной на канализационный люк, и тело ее с широко раскинутыми

ногами было вызывающе выгнуто в поясище, словно этим жестом Света хотела показать своим клиентам, во что она их ставила.

Сидевшая за спиной Уфимцева женщина – гид услышала окончание разговора и, видимо, решила расставить все точки над «и».

– Девушки-стриптизешки не принимают участие в конкурсе красоты, – произнесла она, нагнувшись к уху Игоря, – Мы не идем на смешение стилей. Красота, в общепринятом понимании, должна быть чистой. Женщина, обнажающаяся перед аудиторией, достойна уважения как профессионалка, но не более... Наша фирма уважает традиции, и мы не позволим внести в них дурной тон.

Игорь кивнул и ответил, полуобернувшись назад:

– Все, что мы увидели – это все, что вы хотели нам показать?

– Конечно, нет, – улыбнулась жена директора, – Если вам наскучило, можете спуститься в бар. Там как раз находится мой муж. Он вам все расскажет. А потом я вас познакомлю с курсантками.

... – Очень жаль, что ваши люди еще недостаточно продвинуты в понимании женской красоты, – говорила гид Игорю, когда они неторопливо спускались по внешнему трапу теплохода на первую палубу, – Поменять блестящее шоу на огородные грядки...

Уфимцев покосился на блики цветомузыки, мерцавшие в такт мелодии, доносившейся из дискозала на второй палубе, мимо которого они в этот момент проходили. За белой кисеей тюля Игорь сумел разглядеть всего лишь несколько пар, одиноко танцующих в центре зала.

– А где остальные? – спросил он.

Гид кинула быстрый взгляд в сторону зала, поняла, о чем хотел спросить Уфимцев, ответила:

– Для дискотеки еще рано. Большинство пассажиров сейчас находятся в баре... Кстати, как раз туда мы сейчас и направляемся.

«Оригинально. Теплоход в роли вербовочного пункта «белого мяса». – подумал Игорь, спускаясь дальше за своей проводницей, – Вроде так называют бандиты женщин, зарабатывающих своим телом? Впрочем, это относится к проституткам. А стриптиз – не проституция?

Черт, как запутан и сложен мир: за красивой и многозначительной оболочкой женщины скрывается нечто совершенно противоположное. Это «нечто» открывается тогда, когда она на подмостках сбрасывает платье. Исчезает тайна и остается желание, грубое материальное желание обладать. Твое – обладать ей, ее – владеть блестящим миром. А что потом? Наступает утро. Горький похмельный вкус во рту. Тело случайной женщины в солнечных лучах лишено всего, что ты приписывал ему вчера. И тогда у тебя возникает другое желание – желание быстрее расстаться с саморазоблачившимся идеалом.

Странно, почему женщины тоже ходят на стриптиз? Ведь именно они первыми должны понять, что это разоблачение разоблачает их всех, срывает покровы с того, во что они учились искусно драпироваться с детства. Впрочем, есть «дочери Евы», которые выступают за запрещение стрипа. Моралистки. Но их не слушают более блестящие сестры, потому что вопли о запрещении – всего лишь вопли о слабости тех, кто боится своего тела, кто боится раздеваться при свете даже перед своим единственным мужчиной.

Остальные смотрят на подмостки с чувством превосходства: «Я такая же, так же сложена, все у меня то же, кроме одного – хватки и женского практичного ума. Я сумела приобрести все то, что ты зарабатываешь на сцене, без этого глупого кривляния в лучах софитов. Ум и практичность женщины состоят в том, чтобы знать, когда и перед кем раздеться. А эти соплюшки путают настоящее блестящее с блесками маскарадного конфетти и разбазаривают по мелочам то, что потом не восстанавливается. Но тяга к блестящему – она у нас есть у всех у нас...»

Уфимцев вспомнил Юлию и сморщился, как от зубной боли.

«Сороки, – злобно подумал он, – Проститутки. Все они такие. Только одни отдаются за богато накрытый стол, другие – за горсть монет, третьи – за гарантию обеспеченности».

– Извините, – обратился он к гиду, – в принципе, я все понял. Может быть, вместо бара мы сразу побеседуем с вашими девушками?

Женщина кинула на него быстрый взгляд.

– Хорошо, – кивнула она после минуты раздумья, – Я сейчас попробую это организовать. Подождите меня в баре. Вон тот столик, не стесняйтесь. Заказано специально для вас и все оплачено.

Игорь присел за стол, где уже вовсю угощались двое его коллег, опрокинул рюмку коньяка. Раздраженность не проходила.

«Проституция, – повторил он мысленно, – И здесь проституция. Они – за мгновения всеобщего внимания, деньги, мы – за гонорары и коньяк с бутербродами».

– Ну, как тебе это действие? – спросил Стасов, сделавший перед этим глоточек коньяку и закусывавший его бутербродом с икоркой.

– Плавающий бордель, – буркнул Уфимцев, – Ты был наверху?

Стасов кивнул. Аккуратно прожевал бутерброд, смахнул пальцами крошки с бороды – эспаньолки и хитровато прищурился на Игоря:

– Се ля ви. Ты где-то видел иное?

– Но нельзя же так...

– Как?

– Открыто.

– А что так? – поднял брови Стасов, – Все очень пристойно. Только что я разговаривал с директором. Ну, с этим, у которого пресс-секретарь на пидора смахивает. Он мне заявил, что их главная задача – изменить отношение к женскому телу как к чему-то запретно-нечистому, которое нужно всячески скрывать. Поэтому они и станут организовывать конкурсы красоты во всех крупных городах Поволжья. Причем, с участием местных красавиц...

– А те, которые не смогут выйти в первую шеренгу конкурсанток, имеют шанс пополнить ряды стриптизерок, – насмешливо дополнил Уфимцев, – Что-то ты сейчас излишне благодушен, Сергей, «наполеончик» расслабил?

– А в тебе бушуют комплексы, Гоша, – прищурился Стасов, – Что, соска какая-нибудь не дала?

Уфимцев потемнел лицом. Стасов это заметил и примиряюще похлопал его по руке:

– Ладно-ладно, я пошутил...

– А вообще, Игорек... – продолжил он, – Наш народ слишком долго одевали в вериги. И теперь мы заново обретаем истины, открытые еще древними греками: женское тело прекрасно и достойно созерцания. А что касается мыслей, которые появляются при этом у тех или иных созерцателей, то это вопрос воспитания и половой удовлетворенности того или иного субъекта. Я не прав?

Уфимцев предпочел ограничиться глотком коньяка.

– Естественно, – продолжал Стасов, вдохновенно налегая на салат «Оливье», – В каждом деле случаются издержки. Сексуальные маньяки будут видеть во всем этом совершенно иное. Как, впрочем, и консерваторы. С другой стороны, не всем участницам этого великолепного шоу будет дано удержаться на плаву, не скатиться к дешевому стриптизу, панели, проституции, наркомании. Но согласись, в любом деле есть профессиональные болезни и профессиональные опасности. И весь вопрос в силе воли человека, в его стойкости. Опять же в воспитании... Так что не будь смешным, Игорь. Воспринимай это спокойно. Со временем этот бум на обнажение телес пройдет. Явление займет свое достойное место в человеческой культуре, культуре нашего народа и не будет выпячиваться перед другими прочими.

– Кстати... – Сергей показал глазами на девушку в вечернем строгом платье, разговаривающую у стойки бара с женой директора, – Узнаешь?

Уфимцев медленно повернул голову.

Помещение, где располагался бар теплохода, было задрапировано тканью темных, под цвет мореного дуба, тонов. За столиками посетителей под плафонами мерцали огоньки ламп, выполненных в виде свечей. Ненавязчиво звучала музыка, матово поблескивали батареи бутылок в баре.

Лощеный молодой человек в белой рубашке и бабочке ловко мешал коктейли и, вежливо улыбаясь, разговаривал с пожилой дамой. Дама была облачена в вечернее платье с декольте на спине. Впрочем, чуть дряблая, но все же прямая спина выдавала в ее обладательнице танцовщицу со стажем и ничуть не оскорбляла глаз. Да и все это вполне вписывалось в благопристойно-изысканную обстановку почти светского раута. По крайней мере, так показалось Уфимцеву, видевшему светские рауты только в буржуйских кинофильмах.

Рядом с дамой, небрежно облокотившись на стойку, беседовала с женой директора шоу высокая темноволосая девушка в черном длинном платье с обнаженными прямыми, красиво округленными плечами. «Гид» улыбнулась, заметив, что журналисты обратили на них внимание, и что-то сказала своей собеседнице. Девушка в вечернем платье кивнула головой и направилась к ним.

– Узнаешь? – повторил свой вопрос Стасов?

Уфимцев отрицательно покачал головой.

– Здравствуйте... – брюнетка подошла к журналистам, и Игорь с удивлением узнал в элегантной красавице артистку стриптиза, танцевавшую вокруг блестящего шеста и разбрасывавшую вокруг себя лоскуты ткани.

– Надежда Леонидовна сказала мне, что вы хотели побеседовать кем-нибудь из наших девушек... – она непринужденно села на свободный стул, расправив плечи. Голос ее не был глубокий, низкий, но без бульварной хрипотцы, появляющийся лишь к сорока после килограммов выкуренных сигарет и центнеров выпитого спиртного, – Предвосхищу ваш первый вопрос – ведь вы наверняка хотели спросить, почему я пошла в стриптиз... Итак, я студентка, однако мои родители не имеют возможности помочь мне. Вместе с тем я обладаю соответствующей внешностью... Конечно, я могу пойти в секретарши, но постоянная работа лишит меня возможности учиться. С другой, я вовсе не горю желанием укладываться под своего босса по первому же его желанию...

Она улыбнулась:

– Извините за каламбур. Красиво и элегантно раздеться перед публикой и получить за это деньги – нечто иное, чем отдаваться потному начальнику на липком кожаном диване из страха, что он может завтра выгнать меня с работы или откажет в выплате премии. Итак, я предпочла первое.

– Но наверняка существует какой-то третий вариант... – произнес Уфимцев.

Девушка насмешливо посмотрела на него:

– Какой? Идти торговать в коммерческую палатку? Но ведь и там нет гарантии, что какой-нибудь кавказец не предложит тебе постель в обмен на спокойную жизнь. Нет, природа подарила мне внешность и я должна суметь не превратить этот дар в наказание.

– А конкурс красоты? – спросил Уфимцев, – Насколько я знаю, его участницы не занимаются стриптизом, а общественное положение и гонорар у них выше, чем у нас.

– На этот конкурс выбирают не только по внешности, – ответила артистка. Она помолчала, повернулась к Стасову, перед которым лежала раскрытая пачка «Кэмэла», произнесла:

– Разрешите?

И, не дожидаясь ответа, вытянула сигарету из пачки.

В кулаке предупредительного Стасова вспыхнула зажигалка. Девушка жадно затянулась.

– Не слишком крепкие? – поинтересовался Стасов.

– Не слишком, – скривила накрашенные губы стриптизерка и выпустила вверх сильную струю дыма. С полминуты она молча курила, стряхивая после каждой затяжки пепел длинным пальцем с овальным ногтем, покрытым розовым лаком. Затем резким движением затушила сигарету в пепельнице и протянула руку к бокалу, в который уже налил сухого мартини все тот же предупредительный Стасов.

Уфимцев же, внимательно наблюдая за всем этим, успел подумать: «Прямо по «Джеймсу Бонду», точно. Там так себя ведут красотки, перед тем, как решиться на нечто безумное. Например, на признание: «Хорошо, Бонд, я буду работать на вас!» Значит, и слова эти тоже откуда-то заимствованы...»

Откуда? Да из наших же газет! Ну, и без репетиции перед зеркалом, конечно, дело не обошлось. И «мамашка» (так Игорь стал называть своего «гида» по трапам «парохода греха») специально подсовывает сей экземпляр сентиментальным журналам, которые пекутся об общественной нравственности. То есть таким дуракам, как я... Интересно, какие официально одобренные откровения сейчас из нее польются?»

Тем временем девушка, сделав еще одну паузу, произнесла:

– Вы будете огорчены, если надеетесь, что вам сейчас буду раскрывать тайны конкурсов красоты. Я не собираюсь себе портить карьеру, а ваши статьи с моими откровениями сгубят ее напрочь. Советую вам, господа, попросить разрешения у нашего распорядителя, – она показала глазами на жену директора шоу, – поговорить с восходящей звездой нашего конкурса Олей. Если вы будете достаточно внимательны, то сможете сделать соответствующие выводы. Всего доброго, господа...

«Ну, ни фиги себе, – чуть ни присвистнул Игорь, – Как она нас четко обломала. Явно не по шпионскому сценарию. Может быть и раньше правду говорила?»

Вслух же он произнес, обращаясь к Стасову:

– Ну что ты по этому думаешь, «певец освобождения духа и тела»? Не все так просто, а? Надеюсь увидеть разоблачительную статью в твоей газете. Пойдешь со мной?

– А смысл? – лениво произнес Стасов, – Мы разругаем конкурс красоты, лишим граждан в будущем возможности наслаждаться зрелищем длинноногих красоток, отберем у городской казны кусок в виде налогов с этого шоу... И ради чего? Ради «открытия велосипеда» – демонстрации людям очевидной истины: там, где крутятся деньги и красивые женщины, не может быть чисто. Готов поспорить, что эта самая Оля – цветочек явно не луговой, а выращенный в хорошей оранжерее. Что за ней стоят серьезные люди, которые связывают с ее победой кое-какие планы. Причем, строящиеся на больших деньгах. Такие люди могут быть полезны и устроителям этого конкурса.

А кому нужна вот эта... – Стасов кивнул головой в сторону стойки бара, – девочка? Она красива, но и только... Мало у нас красавиц? Чем-чем, а этим похвастаться можем. Самый ходовой экспортный товар. Вот и экспортируем в зависимости от стоимости продукта. Одних – на подиум конкурса красоты и в ведущие фотоагентства за большие баксы, других – на подмостки стриптиза...

– Иди ты к черту, старый циник! – Уфимцев глотком добил свой коньяк и вылез из-за стола.

– Ты куда – с остальными девушками беседовать? – издевательски спросил его Стасов.

– Домой! – зло ответил Игорь и направился к выходу.

За его спиной бармен сменил кассету в магнитофоне и к потолку бара взлетел мятежный «Куин»:

«Шоу продолжается! Шоу продолжается!!!» восклицал, молил, заклинал, утверждал певец, умерший полгода назад от СПИДа.

Глава третья. Служивые люди

На столе начальника райотдела милиции лежали три обреза, длинный охотничий нож с широким лезвием и черная от времени икона.

То, что на ней было изображено, невозможно понять: вместо святых – едва различимые контуры, лики – черные пятна. На фоне черной доски матово сверкал богатый серебряный оклад с искусной чеканкой и червлением. Оклад увесисто оттягивал руки, и не требовалось особых доказательств, что подобное обрамление нельзя было не вставить в икону соответствующей ценности.

«Все это очень похоже на нашу жизнь, – подумал Игорь, – Чернота и едва различимые контуры духовности в обрамлении показушной роскоши».

– Шестнадцатый век, – кивнул на икону начальник отдела, когда Игорь не без трепета положил ее обратно на стол – Я уже связывался с Ярославлем, вызывал эксперта из музея. Он как увидел икону, аж покраснел от волнения. Теперь уламывает бабку-хозяйку, чтобы отдала доску в музей. Мол, ценности немалой – как денежной, так и художественной. Все равно, говорит, старая, не сможешь ее сохранить – либо снова упрут, либо от неправильного хранения вконец испортится.

– А вы как думаете? – спросил Игорь усатого подполковника, начальника отдела внутренних дел, – Ведь это семейная реликвия, она из поколения в поколение передавалась, помогала людям. Сейчас она будет висеть будет в музее среди множества других икон, потеряется среди них. Или того хуже, из запасников стащат...

– А что я? – пожал плечами подполковник, – Это пускай музейщики с бабкой разбираются. Мое дело жуликов ловить.

Он помолчал.

– Если же по совести... Преемственность поколений – вещь хорошая, только нет ее здесь. Сыновья в войну погибли, дочь с мужем в Мурманске живет, внуки нос сюда не кажут. Где она – преемственность?...

Подполковник вышел из-за стола, подошел к окну.

– Посмотрите, – пригласил он Уфимцева, – Где она, преемственность?

В конце улицы, на которой стояло здание райотдела милиции, мрачно чернели пустыми окнами каменные дома постройки конца 19-го – начала 20-го века. Среди ржавых листов крыш и россыпи кирпича вырывались тонкие стволы деревьев и побеги кустарника. Перекошенные двери, забитые крест-накрест досками, висающие на одном штыре ставни...

– Еще несколько лет назад здесь жили люди, – произнес подполковник, – А сейчас у города нет средств, чтобы поддерживать эти дома в нормальном состоянии. Люди расселяются, разъезжаются... И появляются целые улицы – призраки. А говорите – преемственность...

...А эти вот, – милиционер кивнул на обрезы, – бандиты, разве к нам с луны свалились? Свои, доморощенные, местные. Полгода за ними охотились. За это время, сволочи, уже с десятков домов ограбили.

Уфимцев перевел взгляд на стол. Два обреза были винтовочными, сделанными из трехлинеек. Точно с такими же в фильмах «про революцию» из игорева детства бегали злобно-убогие бандиты и прочие контрики. Третий обрез был изготовлен из одноствольного охотничьего ружья. Рядом с ним лежал патронташ с десятком патронов.

Игорь покрутил его в руках, ковырнул пыж в одном из патронов...

– Жаканом заряжены, – предупредил его действия подполковник, – На людей, как на медведей собирались, гады. К винтовкам у них патронов не было – вместо пугачей были, поэтому «ижевку» опилили. «На всякий случай»...

Подполковник горько усмехнулся.

– Представился такой случай? – поинтересовался журналист.

– Месяц назад на бандитов старик с топором кинулся. Вот они его и продырявили. Неизвестно, правда – эти, или нет. «Ствол» еще на экспертизу не отправляли.

– Могли быть и другие?

– Сейчас много всякой сволочи из щелей повылезло, – ответил милиционер, забираясь обратно за свой рабочий стол.

Игорь покрутил в руках винтовочный обрез, попытался открыть затвор – не получилось.

– Бросьте, – махнул рукой подполковник, – Мы уже пробовали – прижавело. Эти «пукалки» почитай с самой гражданской войны у какого-нибудь мужичка в подполе валялись.

Уфимцев дернул затвор еще раз и бросил обрез на стол.

– Ну, а как с моей просьбой? – спросил он.

Уфимцев приехал в Рыбинск два часа назад. Не мудрствуя лукаво, он направился сразу в райотдел милиции, надеясь получить более полную информацию об осквернении могилы и одновременно выполнить «обязательную нагрузку» Давицына – собрать материал по иконникам. Иными словами, по шайкам бандитов, грабивших беззащитных стариков и сбывавших их во вторую столицу России – Санкт-Петербург.

В разделенной на криминальные зоны стране Рыбинск был отнесен к «зоне влияния» Северной Пальмиры. Несмотря на усилия москвичей – время от времени в городе от выстрелов таинственных киллеров гибли члены бандитских группировок, взрывались машины – питерцы не собирались сдавать позиции.

Предметы старины, главным образом иконы – были одной из основных целей преступного промысла. Что еще можно было взять с нищей провинции и пребывавшего в упадке Рыбинска, бывшего закрытого «сосредоточения оборонной промышленности». Былая слава кончилась, и город напрягал последние силы, чтобы просто выжить, постепенно приходя в запустение. Народ помаленьку перебирался в Ярославль, уезжал в столицы...

Начальник райотдела милиции откровенно обрадовался просьбе Уфимцева рассказать о промысле иконников. Накануне приезда журналиста его сотрудники с чистой совестью могли рапортовать о взятии с поличным такой банды. И ничего плохого не было, если бы об этом еще и рассказали в областной прессе.

Банду взяли три дня назад в одной из глухих деревень на границе Рыбинского и Некоузского районов. Взяли после полугода поиска. Ограбленные пожилые люди, боясь угроз бандитов, не заявляли в милицию или давали весьма противоречивые показания. Но когда по району пополз слух, что иконники застрелили из обреза бывшего бригадира, а ныне пенсионера Полунина, ветерана войны и кавалера ордена Красного Знамени, в кабинете начальника появился старик.

Дед Иван, проработавший в бригаде Полунина без малого тридцать лет, долго кряхтел и пытливо рассматривал бравого усатого подполковника, пока, наконец, не изрек:

– Так вот что, значит, начальник... Я бы к тебе еще сто лет не пришел. Не люблю энкеведу вашу... Через нее в тридцать пятом я на Волголаге едва чахотку не заработал. Но пришел... Из-за Сашки Полунина в кабинет твой пришел. Воевали мы с ним вместе. Он – командиром взвода, а я, значит, помкомвзвода у него был. А рота-то штрафная была, на пару мы с ним вину кровью смывали. Уж не знаю, какая у него вина была, а у меня, кроме моего зажиточно-кулацкого происхождения, другой не было. И ранены мы с ним в одном бою были, и в госпитале одном лежали...

Дед Иван вытащил из кармана старомодного пиджака аккуратно сложенный платок, высморкался, покосился на пачку «Балканской звезды», лежавшей на столе подполковника:

– Угостил бы цивильными, начальник.

Задымил, откинулся на спинку стула, более благодушно посмотрел на милиционера:

– Вот такие дела, начальник...

Подполковник терпеливо ждал.

Он по своему опыту знал, что в таких делах спешить не надо. Люди, подобные деду Ивану, и без того делали над собой усилие, добровольно перешагивая через милицейский порог. Достаточно неосторожного слова, малейшего неуважения и – все. Уйдут. И что ты сделаешь с этим дедом, прошедшего через все, не боящимся ничего, кроме совести своей да Бога, если он, конечно, в него верил. . . Этот дед своей жизнью заслужил, чтобы ты, подполковник милиции, сидел и внимательно слушал его, бывшего зэка, бывшего штрафника, бывшего плотника, а ныне колхозника – пенсионера, одиноко доживавшего свой век с кошкой, собакой и козой в одной из умирающих деревень России.

– А после ранения комиссованы мы были, – продолжил старик, – За тот бой Полунин не только амнистию, но «Знамя» получил. Случай по тем временам из ряда вон. . . Сам командующий фронтом представление подписал. Было за что: от роты нашей, почитай, живых десять человек осталось, и то все раненые-перераненные, а было сто двадцать, но деревню и сопку ту господствующую мы взяли. Полк не взял. А мы – взяли. Да.

В общем, Полунин «Знамя» получил, а я – просто прощение от Советской власти. А идти мне некуда. Я ж не тутошний, из-под Самары я. . . Мои все в Сибири сгнули, куда мне? Вот и взял меня после комиссования Полунин к себе на Родину. Он сам с Мологи. А после затопления уезда под Рыбинск перебрался. Так мы и работали вместе. . . Слышь, начальник, разреши еще одну сигаретку. . .

На этот раз закурили на пару, с одной спички. Отец подполковника тоже вел свой род с Мологского уезда, превращенного в Рыбинское море в тридцатые годы по приказу главного каналостроителя Иосифа Виссарионовича.

. . . – Помоложе бы был, я сам этих нелюдей в расход пустил, – произнес дед Иван, пустив перед собой целую завесу табачного дыма, – Чего говорить, много мы на фронте кровушки пролили. А этих-то и вовсе не грех. Но года, года. . . Слушай, начальник: у моей жены покойной сестра младшая живет на границе самого Некоузского района. Деревня Столбцы, слышал, может? На днях в гости заезжала, сказывала, что поселились у них брошенном дому какие-то мужики. Часто куда-то на машине уезжают. «Нива» у них. А народ сказывает, что те-то, что Сашку Полунина убили, тоже на «Ниве» были. . . Думай, начальник, а я пошел.

Банду брал ОМОН. Едва вокруг дома, среди покосившегося забора и развалившейся, покрытой мхом, поленницы, замелькали камуфляжные, под «грязный снег», куртки бойцов, едва подполковник прокричал осипшим в утреннем тумане голосом предложение сдаться, и щелкнула по почерневшим бревнам сруба предупредительная автоматная очередь, из окон избы вылетели и шлепнулись в грязь три обреза. Два винтовочных и один – охотничьего ружья.

За ними через дверь вышли четыре мужика. Двое – бывшие «сидельцы» с двумя сроками за спиной, двое – слесари обанкротившегося оборонного завода. Их сдергивали с крыльца и укладывали тут же, в грязь, лицом вниз, застегивая на запястьях браслеты наручников.

. . . – Ну, а как с моей просьбой? – спросил Уфимцев, сидя на том же стуле, что и дед Иван, дымя на пару с подполковником той же «Балканской звездой».

– Через час подъедет участковый. Он там всех знает. Без малого тридцать лет в районе пашет. Он вам и свой участок покажет, и по могиле этой оскверненной поможет справки навести. Только напрасно это. . . Обыкновенная хулиганка.

– Спасибо. – Игорь поднялся со стула, – Я его на улице подожду. Уж больно погода хорошая.

Игорь любил приезжать в Рыбинск в это время года. В солнечные дни здесь острее ощущалась осень.

Короткая и узкая городская набережная была похожа на запущенный парк: тротуар у чугунных оград, некрашенные скамейки, на которых давно уже никто не сидел, проезжая часть

у огромного мозаичного дворца, в котором до революции располагалась биржа – все это было засыпано толстым слоем золотой листы. Рыбинск стоял севернее губернского центра, и осень сюда приходила раньше.

Уфимцев, не торопясь вышел на центральную улицу города и, засунув руки в карманы легкой парусиновой курточки, побрел по тротуару. Порывистый ветер с Рыбинского моря гнал по асфальту желтые листья. Мимо, задевая Игоря плечами, проскальзывали по узкой пешеходной дорожке мимо домов девятнадцатого века горожане, то и дело ныряющие в темные провалы магазинов; с гулом проезжали троллейбусы. Вот и знаменитая игла Рыбинского кафедрального собора – точная уменьшенная копия питерской, с Петропавловки... Уфимцев посмотрел на часы, перешел дорогу и, повернув за угол, ускорил шаг – надо было возвращаться к отделу, где его наверняка ждал участковый.

Он миновал улицу, половина домов которой представляли собой те самые призраки, о которых говорил подполковник. Прошел мимо пожарной каланчи, с усмешкой вспомнив историю 19-го века, когда пожарные, сидевшие на ней в дозоре, проморгали беду у себя под носом, и чуть было не сторели в своей башне. Обошел городской парк со старыми аттракционами и каруселями, полюбовался на памятник старины – деревянный барабан на мельничной запруде и, торопливо устремился назад, в милицию. Сентиментальное свидание с городом было закончено.

...Участковый оказался кряжистым мужиком лет сорока пяти, с коричневой от крестьянского загара открытой русской физиономией, на которой светлыми пуговками поблескивали прищуренные голубые глаза. Они живо напомнили Уфимцеву его сельских родственников. У тех были такие же: выжидающе – хитроватые, только на первый взгляд кажущиеся простецкими, полные векового крестьянского опыта выживания вне зависимости от воли и желания многочисленных и разных правителей Руси.

Поверх форменного кителя на участковом была надета камуфляжная военная курка с эмблемой «Вооруженные Силы России». Из-под полы свисал пистолетный шнур. Участковый перехватил взгляд Уфимцева, улыбнулся смущенно и пояснил:

– Младший брат камуфляжку подарил. Он у меня офицером на Дальнем Востоке службу тащит, приезжал месяц назад в гости... А что – вещь хорошая, практичная. Опять же китель не так протирается. Ну что, поехали?

Игорь нырнул в капитанов зеленый «Москвич – 412».

– Вы посильнее дверцей хлопайте, – посоветовал участковый, – Мой «мерседес» уже в возрасте, тут все с напрягом исполнять приходится.

Журналист дернул дверь на себя, кабина содрогнулась от удара.

– Вот теперь точно не откроется, – удовлетворенно кивнул капитан.

– Давайте по-простому, – протянул руку Уфимцев, – Молодой еще, чтобы на «вы» именовали. Просто «Игорь».

– А я – Мильников Иван Сергеевич, – пожал кисть Уфимцева своей жесткой клешней участковый. – Можно просто «Сергеич». Меня все так зовут.

Москвич выкатился из города, свернул на проселочную дорогу и загромыхал на ухабах изношенным корпусом. Стало не до разговоров: Сергеич, вцепившись в руль своего старенького авто, старательно объезжал многочисленные ямы и выбоины. Да и Уфимцев тоже не любил развлекать водителя в пути. Он предпочитал молча смотреть на стелющуюся под колеса дорогу, смотреть по сторонам, отмечая детали мелькающих за окном пейзажей.

Нельзя сказать, что он думал в это время о чем-то конкретном. Игорю просто нравилось смотреть в лобовое стекло. Ощущая приятную пустоту в голове, лететь куда-то в неизвестность, слившись со временем и скоростью. То же самое испытывают люди, сидящие у костра и смотрящие подолгу на пляшущие язычки пламени.

В такие минуты в человеке всплывает нечто, пришедшее из глубин веков, из темной памяти клеток, подаренных современному человеку его предками. Теми, кто на опушках девственных лесов с их дубравами, медведями, лешими и колдунами, жгли свои костры, вслушиваясь в таинственную переключку чащобы. Теми, кто по узким лесным дорогам, по широким трактам среди русской степи гнали свои тройки, спасаясь как от лихих людей настигающего времени. Гнали, подгоняя самих себя и само время: быстрее, быстрее! И разговоры здесь лишние. Ведь они – лишь отражение суетности. А здесь должна царить сама вечность. А ей к лицу молчание.

Впереди показалось село. Возвышающаяся в центре его церковь была далеко видна отовсюду. Зеленые чешуйчатые купола колокольни, зимнего и летнего храмов с потускневшим золотом крестов гордо подпирали голубое осеннее небо.

Со своей поднебесной высоты они взирали на человеческую суету: у покосившегося крыльца продмага двое мужиков усиленно выискивают третьего, чтобы наскрести на заветный пузырь; старушки в старых пальто судачат на лавочке под окнами двухэтажного бывшего купеческого дома; по разбитому тротуару улицы пронеслась на велосипедах ватага мальчишек, а вслед им презрительно смотрит из кабины грузовика девочка с торчащими в разные стороны косичками. Грузовик притулился у обочины, а его водитель, он же – отец девочки, тридцатилетний Сашка Иванов отправился в вышеуказанный сельмаг за бутылкой водки. Сегодня он при деньгах, поэтому в союзниках в лице соображающих на троих двух мужиков не нуждается.

– К отцу Никифору сейчас заедем, – сказал Уфимцеву Сергеич, – Старинный мой приитель, он здесь настоятелем храма служит.

Капитан Сергеич, которого Игорь про себя поименовал на царский манер «урядником», вместе с журналистом вылезли из машины напротив храма. По узкой тропке, вьющейся среди торчащих вразнобой по ее обочине сосен и елок, добрались до покосившейся калитки. Там пришлось ждать минут пять под оглушительный лай невзрачной собачонки, смело подкатившейся на своих кривеньких ножках к самому забору. Впрочем, ее смелость объяснялась тем, что калитка была заперта на замок.

После пяти минут, за которые несчастный песик едва не охрип от своего усердия, из-за темного от времени пятystenка появился дородный мужчина с темно-русой бородой с проседью и в подряснике. Капитан приветственно махнул рукой:

– Эй, батюшка, давай пошевеливайся, а то от твоего барбоса мы уже оглохли!

– А, представитель власти пожаловал, – отозвался священник, – Долго жить будешь – только сегодня тебя поминал.

– Что так? – поинтересовался участковый.

– Аль обещания свои забыл? – прищурился отец Никифор, – Ты ко мне на Богородицу обещал наряд милиции прислать? Ну, конечно, ты уж и забыть успел. Бываешь у меня в гостях раз в полгода – немудрено... А наши колхозные хулиганы опять намудрили: поперек храмовой калитки веревку натянули, богомольные старушки на службу пошли, сослепу каверзу не разглядели и устроили кучу-малу.

– На Спаса обязательно пришло, – пообещал Сергеич.

– Ну смотри, если обманешь... – дружелюбно погрозил пальцем поп и, окинув взглядом Игоря, поинтересовался:

– Это что за парень с тобой? Из ваших, милицейских что ли?

– Нет, я журналист, – ответил Уфимцев.

– Журналистов не люблю, – тут же заявил священник, – Лучше б ты милиционером был.

– Что так? – прищурился Уфимцев, чувствуя в душе обиду.

– Брешете все, – сказал поп, – Я газеты читаю, могу сравнить с жизнью – то...

– Ты чего, отец, на парня накинулся, – вмешался капитан, – Мы к тебе в гости зашли, а ты нас с порога руганью встречаешь... Кстати, где твой волкодав? С чего это ты вдруг себе такого звонка завел?

– Э... – поп махнул рукой, – Взбесился кобель, на детишек соседских кинулся. Пришлось пристрелить.

– Сам что ли? – спросил участковый.

– Тебя что ли ждать? Конечно сам. Взял грех на душу... Да ладно, чего стоять-то на пороге, пошли в дом.

... – Ты на отца Никифора не обижайся, – шепнул капитан Уфимцеву, пока они шли по тропинке через заросший пожелтевшей травой двор, – Грому-шуму напустить любит, а по жизни – добрейший человек.

Пятистенок отца Никифора богатством не отличался. На кухне, перед окном с широким, давно не крашеным подоконником, стоял потемневший от времени стол. Вдоль него – две длинные лавки. В красном углу, под киотом, где теплилась лампада, возвышался высокий табурет хозяина. Дощатые полки под посуду, большая русская печка, рукомойник. Полати занавешены штопаными занавесками. Выкрашенная белой краской дверь вела в большую половину.

– Туда не зову, – махнул священник рукой на дверь, – Не прибрано.

– А где матушка? – поинтересовался участковый.

– В город, в поликлинику отправил, – со вздохом ответил отец Никифор, – После случая с собакой, так расстроилась, что сон пропал, рассеянная стала. Вот и отправил – пусть у докторов проконсультируется, да заодно от хозяйства отдохнет. Поэтому, мужики, мы с вами водку здесь пить будем...

Отец Никифор откинул занавеску на окне и достал початую бутылку «Русской». Затем на столе появились три стакана, миска с солеными огурцами, стопка порезанного хлеба.

– Для больших любителей могу предложить вот что... – поп выложил на столешницу пару карамелек в слипшейся обертке.

– Да я вроде как на службе... – нерешительно покосился на Уфимцева Сергеич.

Игорь глянул на лиловый, с фиолетовыми прожилками нос участкового, и понял, каким мукам соблазна подвергается слуга закона, боясь на глазах корреспондента себя скомпрометировать. Поэтому он решил взять инициативу в свои руки и решительно подставил стакан под уже занесенную руку Никифора.

– Да днем-то как-то... – продолжал защищать свои бастионы капитан, одновременно подвигая руку к своему стакану, куда хозяин дома уже успел плеснуть водки.

– Я вот что вам скажу, чады мои, – отец Никифор долил остатки водки себе и ухватился за огурец, – Пить надо днем. В обед. Не допьяна, конечно, но – днем. Ибо тогда водка душу веселит и к деятельной жизни, то есть к работе, подвигает. За день хмель у тебя выйдет, и спать с женой ты ляжешь уже трезвый. Ибо ложиться с бабой нужно не во хмелю, дабы не терять своего мужского достоинства и не плодить по пьяной лавочке уродов, прости мя Господи! Ну, чады мои, благословляю!

Священник обмахнул широким крестом стол и все дружно выпили.

... – Как твой сосед поживает, батюшка? – поинтересовался участковый спустя время, которое он потратил на обстоятельное прожевывание соленого огурца.

– Эх... – поп махнул рукой, откинулся к стене и изрек, горестно чмокнув губами, – Впадает в грех уныния.

– Что так? – спросил капитан.

– Говорит, что скушно ему, приход бедный – всего несколько старух и один старик, да и тот маловерующий. Мол, посещает он храм не от веры в Господа нашего, а как герой Антона Чехова – как его, Беликов, что ли? – из соображений, как бы чего не вышло. Деду скоро отправляться на встречу с нашим Создателем, вот он и подстраховывается: вдруг Бог есть, тут-то

и покажут ему кузькину мать... Прости меня, Господи! – отец Никифор перекрестил свой рот знаменем, – А в молодости этот дядя весьма активный безбожник был, аккурат при Хрущёве колокольню в центре села развалил тракторами. Хотел и сам храм Божий на стройматерьял пустить – в районе узнали, не дали. Мол, церковь сия семнадцатого века, памятник архитектуры. А причем здесь памятник? Храм Божий – есть и храм, неважно, когда его построили. Но все равно секретарю тому райкомовскому спасибо нужно сказать – пресек безобразие.

– Может, сейчас дядя в храме грехи замаливает? – возразил Никифору Уфимцев.

– Так не замаливают, – буркнул священник, – Этот дядя содержит двух кабанчиков, корову, лошадь. В третьи жены самую молодую бабку в селе взял, чтобы она ему в хозяйстве батрачила. А в это время у него в Рыбинске сноха горе мыкает: муж ее, сын, значит, этого дяди, на севера за длинным рублем подался – газ у Черномырдина добывает, а жене с двумя детьми ни копейки ни шлет. Так этот старый хрыч хоть бы продуктов подкинул – не чешется...

– Вот бы его сосед, приходской священник, на путь истинный и наставил, – заметил капитан.

– Какое там! – опять махнул рукой отец Никифор, – Молодой ишшо, только из семинарии. А в молодости больше о себе думают, об устройстве своем личном, а уж обо всем прочем – во вторую голову. Сказать по правде, действительно, приход его – дыра дырой. Молодому там – тоска зеленая. Это, если по-вашему, по-мирскому говорить.

Священник встал и пошел ставить чай. С минуту он гремел посудой за занавеской в закутке кухни, потом появился с чашками в руках, водрузил на стол сахарницу, покосился на облупленный эмалированный чайник на старенькой электрической плитке и продолжил:

– С другой стороны, если человек с младых ногтей имеет все блага жизни, доставшиеся ему по наследству или по благу – сам он в этом возрасте честно заработать все это не может – то к старости или пустит деньги по ветру, потому что ценить не будет, или потеряет вкус к жизни. А это грех...

Никифор разлил чай по чашкам.

– Да и вообще, чады мои, служение Господу подразумевает подвижничество, отречение от излишних земных благ. А коли желаешь ты их, то иди не в священники, а в кооператоры. Или как их сейчас называют? Бизнесмены... Нельзя одновременно служить Богу и Момоне.

Уфимцев окинул взглядом более чем скромную обстановку в доме у священника. Он вспомнил, что ему довелось увидеть в квартире московского священника, служившего на высокой должности в Патриархии. До этого тот исполнял обязанности за рубежом, и поэтому Игорь мог объяснить себе японские музыкальный центр, телевизор, такую же импортную дорогую мягкую мебель, изящные, дорогие, судя по всему, безделушки. Обстановку, редкую для средней московской квартиры начала девяностых.

Объяснить мог, понять – нет. Уж очень все это не вязалось с духовным одеянием хозяйина. Для того интерьера скорее подошел бы малиновый пиджак, который вошел в моду среди нарождающегося класса капиталистов чуть позже.

Уфимцев говорил тогда себе, что все это глупость.

Более тысячи лет назад прошло с тех пор, когда первые христиане в рубищах жили в пещерах и обходились примитивным, служа Господу. Сейчас их преемники должны идти в ногу со временем, иначе они просто не смогут донести Слово Божье до всех. Не только для нищих и малограмотных, но и богатых, образованных. Тем не менее... Тем не менее думалось: отчего же деревенская и городская голытьба в революцию с таким упоением рушила храмы, убивала священников, изгоняла саму веру?

С упоением и искренней злобой рушат только низвергнутые в душе святыни, мстя за порушенные идеалы. Малиновый звон колоколов в сознании тех людей были частью той России, где развевались на ветру шелковые знамена и шарфы дам, сверкали спицами пролетки и ордена господ, запах пирогов мешался с ароматами дорогих вин и французских духов. Этот

мир лежал в другой плоскости от мира развороченной земли окопов, оторванных ног, калек в прожженных шинелях, просящих на папертях милостыню, разоренных деревень. Поэтому и рушили они, что вера ушла из душ их. А пустоту заняла лишь дочь Сатаны – злоба.

Отец Никифор заметил взгляд Игоря, каким он окинул скудную обстановку дома.

– Небось подумал, что вещаю так, что сам живу в скромности, а посему причисляю себя к подвижникам, – усмехнулся он, – Нет, парень. Хоть и стоит мой храм в большом селе на большой дороге, но приход и у меня тоже не весть какой. Все те же богомольные старушки. Единственная разница от соседа – числом их поболее. А те, кто помоложе, в другую веру веруют – веру граненого стакана. Бедно люди живут, корреспондент. А когда ходишь по колону в навозе, да еще со сведенным брюхом, редко глаза к небу поднимаются. Потому что, как опустишь их, вся мерзость еще мерзостнее покажется. Посему и глядит народ исключительно в стакан – после него куда ни кинь, все в розовом тумане.

Он замолчал. Молчали и Уфимцев с капитаном. Тишину нарушало лишь мерное тиканье стареньких дешевых ходиков с алюминиевым облезлым циферблатом и подвязанной к цепочке магазинной гирькой.

– Потому и живу так, – произнес после затянувшейся паузы священник, – Как люди. Во-первых, потому, что физически не могу жить богаче, а во-вторых, потому что Бог не позволяет. Что мне прикажешь, – он лукаво улыбнулся в бороду, – те три сотни кирпичей, что мне сельсовет на ремонт храма выделил, себе на дом пустить? Вы, миряне, под законом и под собственной совестью ходите, а у нас вместо уголовного кодекса – Господь. Его сильнее прокурора бояться следует. На Его Суде никакой дорогой адвокат не поможет.

Отец Никифор допил чай. Собрал со стола чашки, унес за занавеску. Вышел оттуда, накинул на плечи телогрейку:

– Ну что, корреспондент, пойдем, я тебе храм покажу...

...За багажником «москвича» осталось село. Капитан Мыльников по-прежнему аккуратно объезжал выбоины на старом асфальте. Выбоин было больше, чем на проселке.

Грузовик с девочкой в косичках исчез с обочины перед сельмагом: водитель Саня Иванов уехал, купив бутылку водки на значенные от жены деньги с «левака» (отвез мужикам из соседней деревни на базар сорок мешков картошки).

Мужики, что рядом с магазином усиленно соображали «на троих», по-прежнему торчали на месте. Заметив зеленый автомобиль участкового, они торопливо скрылись за углом.

Капитан кивнул им вслед и хмыкнул, обращаясь к Уфимцеву:

– Месяц назад магазин этот обокрали. Уперли риса три мешка, два – консервов и так... ерунду всякую. Соображаю, что утащить на своем горбу воры все это не могли. Значит, требовалась грузовая машина. Воровали местные: навесной замок вырвали ломиком вместе с петлей засова, а внутренний открыли ключом, который продавщица прятала в укромном месте. Кто-то из постоянных посетителей выследил... Значит, и водитель был местный. А из местных только Сашка Иванов мог на это пойти. Вот я и жду...

– Чего? – недоуменно спросил Уфимцев.

Действительно, чего тут ждать – брать надо!

– Чего жду? – переспросил капитан? – Когда Иванов в город поедет остатки краденого сбывать. Тут-то я его и возьму, красавца. И про ключ он наверняка знал: продавщица сельмага – его бывшая подруга, с которой он до армии гулял. Только вот она его не дождалась, шалава...

Уфимцев только головой покрутил: настоящий Анискин!

– А вдруг это не он? – спросил Игорь.

– Он, – убежденно ответил участковый, – Ровно месяц назад ему Катька, продавщица эта, перестала водку в долг давать (это она так до сих пор свой бывший грех смывает). А он сильно

не расстроился – покупает. Вот и сегодня он был. Откуда у хмыря деньги, спрашивается? В его хозяйстве три месяца зарплату не платят.

– А чего он сразу водку не украл, – скептически хмыкнул корреспондент, – Чего-то вы завернули! Водку украл, продал, а деньги пропил... Прямо как в анекдоте!

– А тогда водки в магазине не было, – не сдался Сергеич, – Свадьба была в селе. Все три ящика выкупили. И откуда деньги у народа? И опять же, решил Катюке отомстить. Говорю ему на прошлой неделе: «Сашка, сознайся, ты?» – «Нет, – отвечает, – Не я». И глазами ясными смотрит. Ну, ничего, я терпеливый, подожду. Все равно где-нибудь проявится.

Село скрылось за поворотом. Игорь обернулся назад: дома исчезли за деревьями, только высокая колокольня храма, где настоятелем служил отец Никифор, светилась белым над желтыми кронами деревьев в синеве неба.

С поля на дорогу медленно, вздымая клубы пыли, словно заморенная кляча, впряженная в раздолбанную телегу, выполз трактор с бороной. Бороны были опущены и ее стальные зубья со скрежетом впились в остатки асфальта.

– Озимь запахивают, – пояснил капитан.

На то, что механизатор запахивал еще и без того изуродованную дорогу, он не обратил внимания.

... – Я сразу после армии в милицию пошел, – начал рассказывать участковый. – После беседы у отца Никифора официальный ледок между ним и Игорем растаял, и капитан уже не изображал за рулем молчаливого, – Направили учиться в школу милиции в Прибалтику. Ничего, красивые места... Только народ там местный очень даже неприветливый. У них там в лесах чуть ли не до нашего времени «лесные братья» ползали. Живут там богато, но скупо. Зимой снега не выпросишь. Не то что наш Ванек – последние штаны с себя снимет и отдаст.

– Вот почему все в штанах, а мы без штанов, – буркнул Уфимцев.

– А? – повернулся к нему капитан, – А-а... Это точно. Но не только поэтому. Механизатора с бороной видел? Такого рас... ва там не увидишь. Ты это тоже учитывай. Я сначала боролся, а потом плюнул. Наш русский народ по упертости кому хочешь фору даст. Может, поэтому и немца победили.

Машина скатилась с высокого пригорка.

– Вот здесь, – показал участковый, – лет десять назад случай был: наши соседи из другого района мужика сбитого обнаружили. И мужик, вроде, непьющий был. Из города, грибник. Зазевался, наверное. А тут, видишь, такое место: спуск и одновременно поворот... В общем, кто-то сбил мужика и скрылся с места происшествия. Милиционеры из соседнего РОВД это дело обнаружили и из своего кювета в наш перекинули – тут граница между районами как раз посередине дороги проходит. Я тогда в отпуске был. Вызвали наших и уехали. Те, не будь дураками, покойника обратно сплавил. Такая переписка меж начальниками была, дело до прокурора дошло. Тьфу! – капитан плюнул в приоткрытое ветровое окно машины. Труп, он знаешь, всегда отчетность портит. А в то время – вообще ЧП. В мою бытность так утопленника с одного пляжа на другой таскали. На одном – Ленинградская область, на другом – Прибалтика...

Капитан съехал на проселок с дороги, которая хоть и изобилвала ямами, но все же громко именовалась «шоссе». Сергеич замолчал, сосредоточившись на объезде глубоких ям, продавленных колесами тяжелых «кировцев». Три недели стояла сухая погода, глина проселочной дороги превратилась в камень. И когда «москвич», опасно заваливался то в одну, то в другую сторону, было слышно, как корка царапает днище автомобиля.

– Вон видишь колокольню? – капитан указал на темно-коричневый шест вдали, с покосившейся луковицей купола без креста, – Это и есть пункт твоего назначения. Здесь на кладбище памятник опрокинули. Впрочем, неудивительно. В этом селе уголовников больше, чем во всем районе. Про «сто первый километр» слышал, когда всех жуликов ссылали? Вот это как раз здесь. Язва для окрестностей.

«Москвич» выбрался на относительно ровное покрытие и подъехал к трехэтажному зданию, стоящему на более высоком месте, чем окружающие его дома. Судя по обшарпанным колоннам и выщербленной широкой лестнице, это была бывшая помещичья усадьба. Сейчас над ней развевался трехцветный российский флаг, показывая люду, что здесь располагается местная власть.

«Если бы ее бывший владелец был жив, он бы обрадовался этим переменам», – подумал Уфимцев, глядя на триколор.

Тут он едва не сверзился вниз, угодив ногой в глубокую выбоину в каменных ступенях.

«Недолго бы он радовался», – поправился Игорь и, прихрамывая, кинулся догонять участкового.

Глава четвертая. Охота на охотника

Выкрашенная темно-зеленой краской деревянная пирамидка памятника возвышалась над могилой криво и нелепо, словно птица с подбитой ногой. Один ее бок был по-прежнему измазан сухой красной глиной: памятник повалили на эту сторону, а когда поднимали, то не удосужились почистить.

«Не слишком большим уважением на селе пользовался товарищ Кружкин Александр Борисович», – подумал Уфимцев, разглядывая пирамидку, сколоченную из неструганных досок, покрашенных темно-зеленой краской, ярко-желтую фанерную заплату на месте удара ломом и эту грязь.

Сравнительно свежий прямоугольник могилы был вытоптан: кругом виднелись отчетливые следы кирзовых сапог, словно на ней отплясывало рок-н-ролл целое отделение солдат. Потерявшая свои четкие очертания кромка была восстановлена лопатами. Но это было сделано наскоро, торопясь – сухая глина уже успела осыпаться.

«Безрадостная картина, – думал Игорь, – Никому не хотелось бы успокоиться после всех наших тревог и бурь в таком неказистом последнем домике».

Он вспомнил слова участкового, произнесенные на прощанье:

«Бобыль он был. К тому же сидельный. Посадили Кружкина еще во время войны. Говорили потом, что якобы за дезертирство, но толком никто ничего не знал. Вышел он в середине пятидесятых...»

С капитаном Уфимцев расстался после сытного обеда в колхозной столовой, расположенной на первом этаже бывшего помещичьего дома, где располагались сельсовет и правление. Милиционер и журналист стояли на выщербленной его лестнице, лениво курили после обильных макарон, густо замешанных на гуляше. (Уфимцеву показалось, что мяса в глубокой тарелке было больше, чем теста.)

– Он, в принципе, местный, из этого района, – рассказывал участковый, – Но из другого села, оно в километрах двадцати отсюда. Отсидел, поселился почему-то здесь – может, стыдно было или никто не ждал? – работал сначала на ферме, скотником, потом на МТС электриком. Оказалось, грамотным был в техническом плане. Однако ни с кем особо дружбу не водил. Правда, когда в последнее время, при Брежневе, сюда начали ссылать всякую шваль уголовную – вроде как за сто первый километр, начал с ними якшаться, но ни в чем криминальном замечен не был.

– И много здесь этой швали? – спросил Игорь, с усмешкой отметив про себя: «Ничего себе „последнее время“ – при Брежневе, десять-пятнадцать лет назад...»

– Да человек двадцать пять есть, – ответил капитан, – Рецидивисты, но – шушера. Мелкое ворье. Такие на «зонах» или в прибалтненных ходят, или в «шерстяных» – то есть в «шестерках». Здесь они, конечно, блатуют, королей из себя корчат, молодежь, что склонность к обалдуйству имеет, с пути сбивают, но это все так... На уровне мелких бытовых краж. Они вон там обосновались со своими марухами бомжеватыми...

Капитан показал на окраину села, где притулилось несколько черных от времени изб.

– После того, как ерунда с могилой вышла, мы их тряхнули, – продолжил Сергеич, – Те, естественно, в полный отказ пошли: «Ничего не видели, ничего не знаем». Улик против них нет, да и заниматься, если честно, этим не особо хочется. Родственники претензий не имеют по причине их отсутствия. Могилу в Божий вид привели. Чего еще? У меня вон третьего дня здесь пятнадцать мешков комбикорма сперли. По нынешним ценам это на крупный размер тянет. А ты говоришь «могила...»

Уфимцев расстался с капитаном и направился на кладбище посмотреть на место последнего прибежища сельского бобыля с несложившейся судьбой. Это место участковый обрисовал ему еще на крыльце.

– На само кладбище не суйся, – сказал он, – Иди налево вдоль ограды. На углу, в самом конце, около повалившегося столбика и обнаружишь этого самого Кружкина...

– От чего он умер? – спросил на прощание Игорь.

– Естественной смертью, – ответил Сергеич, – От чего в его возрасте умирают.

...Уфимцев отошел от могилы на несколько шагов, сел на низенькую скамеечку рядом с вросшим в землю холмиком и стал смотреть на пирамидку. По середине ее, там, белыми буквами значилось: «Кружкин Александр Борисович 1912—1992 г.г.» краснела клякса от комка земли, залепленного с чьим-то злым умыслом в ту ночь, когда сокрушали могилу.

Игорь вытащил сигарету и подумал: «Стоит сухая погода, а залепили явно сырым комком. Что, специально грязь вон из того ровика брали?» Он усмехнулся этим мыслям, обозвав себя «Шерлоком Холмсом с его дедуктивным методом». И объяснил происхождение комка грязи гораздо прозаичнее: на эту заброшенную часть кладбища давно никто не заглядывал. Памятник перевернули гораздо раньше и только теперь кто-то из местных, случайно завернув сюда, обнаружил растерзанную могилу.

Журналист бросил окурок под каблук и поднялся: участковый показал ему избу, в которой жил ныне покойный Кружкин, и Уфимцев, чувствуя себя настоящим опером, отправился к ней для осмотра. Однако в глубине его души росло ощущение, что все это – всего лишь игры, командировка затеяна зря и Давицина ждет хороший подарок, когда Игорь вернется с пустыми руками.

Он даже представил себе вежливо-издевательское выражение лица редактора, с которым тот сначала покрутит в руках свои очки, потом с кислой миной водрузит себе на переносицу и кивнет Уфимцеву, этому возмнившему о себе недоделанному журналисту: «Ну, ладно, Игорь, иди работай...»

Дом, в котором два года назад умер Александр Кружкин, представлял собой вросшую в землю по самые окна избенку с дырявой, покрытой дранкой крышей, и перекошенным, словно старая будка сортира, входом, который деревенские родственники Игоря называли почему-то «мостом». Ставни, как и дверь, были заколочены досками крест на крест. В двух окнах из трех не было стекол.

Уфимцеву, чтобы заглянуть внутрь, понадобилось сильно наклониться – до такой степени земля вобрала в себя этот домишко. Привыкнув к темноте, он сумел разобрать бок давно не беленой русской печи, дощатый, скорее всего самодельный, стол, какие-то осколки на проваленном в несколько местях черном от земли полу (их в этот момент осветил пробравшийся через дырявую крышу солнечный луч) и – все.

«Мда-а, – подумал Игорь, отвернувшись от окна и прислонившись к потемневшему от времени бревенчатому срубу, – Какого хрена меня сюда потянуло? Самым большим трофеем в этом деле будет старый ухват, который я найду, если заберусь в эту нору...»

Уфимцев опять представил физиономию редактора, рассматривающего неудачливого исследователя, и потянулся за сигаретой. Проскользнула мысль, что он слишком много в последнее время курит, но в данный момент смущенной душе казалось просто необходимо закутаться в табачный дым от неприятных предчувствий.

Неприятные предчувствия о проваленной командировке (материал о банде иконников был, конечно, интересен для газеты, но не для Уфимцева) через пару минут трансформировались в ощущения, что он здесь не один. Вскоре корреспондент получил материальное подтверждение этому: за углом вдоль стены кто-то осторожно крался. Если бы Игорь не был в напряженно – взвинченном состоянии, он не обратил внимания на равномерное потрескивание сухой травы. Вскоре потрескивание сменил более явственный хруст: этот «кто-то» насту-

пил на сгнившую доску, отвалившуюся от обшивки крыльца, и тем самым выдал себя с головой.

Уфимцев аккуратно загасил бычок о бревно дома и, стараясь не совершить той же ошибки, что и незнакомец, попятился в противоположную сторону. Незнакомец же, в свою очередь, явно не проходил подготовку разведчика: он вполголоса выругался, на мгновение замер (доска под его ступней жалобно проскрипела) и продолжил свое занятие – шорох шагов снова начал приближаться.

Елозя спиной по стене, словно пробирался по узкому карнизу небоскреба в американском боевике, Игорь быстро преодолел расстояние между последним заколоченным окном и венцом бревен и скрылся за углом. Тут он огляделся.

Слева от него тянулся обширный, заросший высокой травой пустырь с остатками полуразрушенного сарая – бывший огород бывшего хозяина. И в Уфимцеве боролись два желания: дать побыстрее тягу через этот пустырь или все же выяснить, кому это понадобилось знакомиться с ним среди бела дня по законам вестерна.

Пока журналист размышлял на эту тему, время оказалось упущенным. Преследователь нырнул за угол, увидел, что там никого нет, и понял, что его цель могла скрыться только за поворотом. В несколько прыжков он преодолел расстояние, которое до него мелкими шагами покрывал корреспондент, повернул... Игорь едва успел отпрыгнуть назад и отвести руку для удара.

Рука осталась в том же согнутом положении – силы оказались неравны: крепкий бородастый мужик держал перед собой вилы наизготовку, словно винтовку с примкнутым штыком.

Несколько мгновений противники смотрели друг на друга. Уфимцев – несколько обалдело от такого резкого поворота событий («Ничего себе деревенька, – мелькнуло у него в мозгу, – Если такое начало, что же дальше-то будет...»). Мужик – явно оценивающе, словно примериваясь, как будет сподручнее насадить словно сноп на вилы этого худощавого усатого парня в джинсовой курточке и черной сумочкой на плече.

... – Ты... это.. кто? – задал наконец Уфимцев резонный вопрос.

– А ты – кто? – ответил вопросом уже идиотским мужик, которому явно было неизвестно, что культурные люди вопросом на вопрос не отвечают, а нормальные – не бросаются на незнакомцев в штыковую атаку с вилами наперевес.

Впрочем, судя по его озадаченной физиономии, дядя все же пребывал в затруднении: на дворе стояло время явно не военное, и поэтому для того, чтобы поддеть вилами человека, следовало спросить хотя бы его фамилию. Расстановка сил была не в пользу Игоря, поэтому он решил подчиниться обстоятельствам.

– Я – корреспондент из областной газеты. А ты-то кто? – произнес он.

– Корреспондент? – мужик был ошарашен, – Бляха муха, а чего ты здесь делаешь?

– Твое какое дело? – уверенность стала возвращаться к Уфимцеву, понявшему, что колоть вилами его уже не будут.

– А я сосед, – ответил на самый первый вопрос мужик, до которого стала доходить абсурдность ситуации, – Вон там живу...

Он показал на видневшуюся с задворок дома Кружкина часть пейзажа с силикатной стеной дома, фрагментом шиферной крыши и развесистой яблоней. (Игорь успел заметить, что плодов на ней было предостаточно).

– Чо, неужели настоящий корреспондент? – среди зарослей бороды вилоносца появилась недоверчивая улыбка.

– Можешь пощупать... – промолвил Уфимцев.

Он вдруг почувствовал, что устал. Устал до слабости в ногах, до испарины на спине. Хотелось откинуться на стену, съехать по ней на землю и уже оттуда, снизу, смотреть на этого убогого, что кидается на людей с вилами среди белого дня.

– А я подумал, что кто-то из блатных решил сруб облюбовать! – радостно сообщил вилоносец, – А я его уже для себя на дрова определил!

– Так ты что, из-за этих сраных гнилых бревен стал бы человека вилами пороть? – зло спросил Игорь.

Страх прошел. Появилась злость. На этого придурка, на самого себя, на карикатурность ситуации, на дурацкие прятки, в которые играли друг с другом, словно перед невидимой кинокамерой два взрослых и нормальных (по крайней мере за себя Уфимцев ручался) человека. Игорь с нервным смешком представил выезжающую из кустов платформу со штативом, режиссера в кепке, радостно вопящего «Снято!» и – субличную девицу с хлопушкой, на которой было нарисовано что-то вроде «Сельская новь», «Колхозная быль» или «Деревенская топь».

– Да не... – засмутился мужик, – Попугать только хотел. Блатные у нас вообще обнаглели. А участок этот сельсовет на меня переписал. Так что это моя частная собственность!

Последнюю фразу он произнес едва ли не с гордостью.

«Собственник, ... Твою мать!» – подумал Игорь и, чувствуя, что удача не до конца отвернулась от него и пора брать быка за рога, произнес вслух:

– Ты каких блатных имел ввиду?

– Да тех самых, – мужик махнул в сторону, где, как показывал Уфимцеву участковый, находились избы сосланных уголовников, – Работать не хотят. Денег, чтобы дрова купить, нету. Или, просто не хотят на них тратить. Вот и тырят все деревянное, что не приколочено. А что приколочено, отрывают и тоже тырят... Ты чего здесь потерял, корреспондент? У нас отродясь никого из твоих не было... Извиняюсь, конечно, что на «ты» – заискивающе улыбнулся он.

– Ладно, чего там... – махнул рукой Игорь, – По какому делу, спрашиваешь? По какому делу... Ты хозяина этого дома знал?

– Кружкина-то? Конечно, так вы по его душу?

– По его. Может, расскажешь, что за человек был? – Игорь вынул из кармана пачку сигарет «Элэм» и заметил, что у мужика при виде «городских» сигарет загорелись глаза, – Пойдем присядем, – предложил он, показав на лежащее в желтеющей траве старое бревно.

– Может, домой? – с готовностью предложил сосед Кружкина, – У меня под это дело найдется...

Он растопырил мизинец и большой палец, продемонстрировав символ, известный без перевода всем на территории бывшего СССР.

– Нет, – покачал головой корреспондент, подумав, что на сегодня сто граммов водки, выпитой со священником, будет вполне достаточно: если дело пойдет в том же направлении, то к вечеру до Рыбинска он не доберется, – Давай в другой раз, ладно?

Отойдя в сторону от покосившейся избы Кружкина, они уселись на бревне, сделали по поре первых, самых ароматных затяжек, и только после этого Уфимцев протянул ладонь бывшему вилоносцу (свое оружие мужик оставил у стены дома):

– Игорь.

– Михаил, – отозвался крепким рукопожатием мужик, – Так что у тебя к этому Кружкину?

Уфимцев помолчал, размышляя, с чего подступиться к разговору, чтобы не спугнуть собеседника. Потом решил, что бродить вокруг да около с этим решительным дядькой не стоит, и нужно начинать с главного.

– Могилу у этого Кружкина разворошили, – произнес он, – Просто так такое не делают. Вот мне и интересно... Интересно, что за человек он был, покойный?

Михаил посерезнел, аккуратно загасил окурок о каблук кирзового сапога, почесал кадык под бородой и только после этого ответил:

– Человек он был мутный. Говаривали, что сидел еще при Сталине, но на диссидента или как их... репрессированного не был похож. Эти-то, обиженные Советской властью, еще с горбачевских времен стали права качать и льготы всякие получать, а Кружкин сидел тихо.

– Может, он уголовный был? – предположил Игорь.

– Я сам не местный, – ответил на это мужик, – С 84-го здесь живу. После армии, с техникума на картошку прислали, с женой будущей познакомился, так и остался. Поэтому я многого не знаю. Но вот что скажу: с уголовными он тоже особо дружбы не водил. Был у Борисыча, правда, один корешок из блатных – его здесь Сипатым зовут... И правда, голос у него сиплый, словно всю жизнь на холодном ветру песни орал. Тоже уже в возрасте...

– Ну и что? – нетерпеливо подогнал своего нового знакомого Уфимцев.

– Что... – протянул Михаил, – Через несколько дней после смерти Борисыча Сипатый куда-то исчез. Тогда поговаривали, что или опять посадили, или в бега подался. Мол, не иначе к смерти Кружкина отношение имеет... А месяца три назад опять объявился. Вот, честно говоря, и все...

– А как этот самый Борисыч умер? – спросил Игорь.

– Говорили, что сердце. Накануне он как раз водку пьanstвовал с этим самым Сипатым. Старикан уже был, труха сыпалась, но иногда любил принять на грудь. А утром прямо на крыльце его и нашли. Жена моя нашла – как раз на ферму на утреннюю дойку к пяти часам шла.

– А что Сипатый?

– Таскали его, – ответил Михаил, – но отпустили. Мол, выяснили, что Борисыч своей смертью помер, и отпустили. Но урка все равно где-то на дно залег. Теперь появился. Но я это тебе уже говорил.

Мужик посмотрел на Уфимцева:

– Ну, я рассказал все, что знал. Может, теперь к нам заскочишь? Жена рада будет. Посидим, я тебе расскажу, как мы тут ковыряемся: председатель, гад, хорошо устроился – организовал из нашего колхоза сельхозкооператив, всю технику приватизировал, причем, гробы нам отдал, а лучшие трактора себе, да на семью свою оформил. Потом в фермеры подался. Кредит в банке получил под землю и машины. Кредит свистнул, трактора куда-то загнал, и свалил в неизвестном направлении. Чуть ли не в Америку, говорят... А мы куда со своими гробами – ни горючего, ни запчастей. Трактора на ходу разваливаются...

Игорь еще минут пять слушал про мерзавца-председателя, нажившего себе стандартным способом первоначальный капитал в новой России, согласно кивая головой, потом решительно встал.

– Извини, Миш, – произнес он, – Пора мне. Ты лучше покажи, где этот Сипатый живет.

– Самый крайний в Блатной слободке (так мы поселение урок называем) дом – его, – ответил мужик и вздохнул:

– Жаль, жаль...

По этому вздоху Уфимцев понял, что обломал дядьке хороший повод выпить. Причем, сделать это официально, без косых взглядов жены. Опять же, будет о чем рассказывать мужикам в деревне, а супруге – усть товаров на ферме: корреспондент ни к кому-нибудь приезжал, к нему...

– В следующий раз, Миш, – сказал Игорь, – Ей – Богу, самому жаль, но дело прежде всего.

– Ты с этим Сипатым поосторожней, – посоветовал на прощанье Михаил, – Этот – настоящий волчара...

Игорь пересек раскатанную тракторами деревенскую улицу. Обрулил храм, вернее, то, что от него осталось – бурые кирпичные стены, черную дыру входа без ворот, из которого несло старым пожарищем. Степенно поздоровался с сельчанами, ожидающими открытия

магазина («Чтой-то Машка в райцентре застряла, – услышал Уфимцев, – Может, еще какие продукты привезет, кроме хлеба»).

Он продрался через пустырь, где там и сям виднелись останки колхозной техники. Торчащие из земли гусеничные траки, выглядывающие из высокой травы кабины и беспомощно валяющиеся карданные валы напоминали то ли картину «После побоища» одного из русских живописцев, то ли плод воображения писателя – фантаста: иллюстрация к главе «Столкновение железных монстров».

За пустырем скромно, в обществе нескольких полуоблетевших плакучих ив, доцветал заброшенный пруд с гнилыми мостками, с которых бабы полоскали белье еще в канун трехсотлетия дома Романовых. Сразу за прудом, в зеленом венце стойкой к наступлению осени крапивы, чернел высокий, кое-где подпертый жердями, забор.

По тропинке среди крапивных джунглей Уфимцев пробрался к кривой калитке. Она держалась в естественном для себя, вертикальном, положении, только благодаря обручу из проволоки, прикрепившему ее к столбу ворот. Выржавевшие до ярко-красного цвета петли были всего лишь декоративным элементом. За калиткой открывался заросший травой обширный двор, захламленный сломанными детскими колясками, рамами старых мотоциклов, чугунными батареями («Ого, – подумал Игорь, – в этом селе еще и паровое отопление водится») и остовом грузовика ЗИЛ выпуска какого-нибудь шестьдесят дремучего года. Складывалось впечатление, что в этом доме обосновался старьевщик со стажем.

Впрочем, открывать калитку и проходить во двор Игорь не спешил: к ручке дверцы автомобильного ветерана была привязана черно-желтая немецкая овчарка. Длина цепи позволяла собаке перекрыть тропку, ведущую от забора к дому. Пес остервенело лаял, демонстрируя черное небо и белые клыки, не имея ничего общего с безобидным «звонком» отца Никифора. Игорь знал, что таких собак держат исключительно для того, чтобы они спускали штаны с незваных посетителей.

– Хозяин! – крикнул Уфимцев.

Ему показалось, что белая занавеска на окне избы едва заметно колыхнулась. Игорь не стал повторять призыва: пес продолжал надрываться, и если дома кто-нибудь есть, то наверняка выглянет посмотреть, ради чего лохматый страж так надрывает свою глотку. Журналист вытащил сигарету и решил терпеливо дожидаться, когда любитель ржавых транспортных средств и парового отопления соизволит посмотреть на гостя.

Ждать ему пришлось долго. Сигарета благополучно истлела до самого мундштука, овчарка устала лаять и только злобно рычала, а хозяин не появлялся.

Игорь раздраженно перекинул сумку с блокнотом, фотоаппаратом, двумя запасными кассетами с пленкой и тремя завернутыми в целлофан бутербродами с колбасой. Он подумал о бутербродах и вспомнил, что с обеда с участковым прошло не меньше четырех часов, и крикнул громче:

– Хозяин!

– Чего надо? – ответ неожиданно раздался почти над самым его ухом.

Уфимцев чуть не присел от неожиданности: он готов был поклясться, что не мог пропустить шаги подкрадывающегося к нему сзади человека. Игорь обернулся быстрее, чем следовало, чтобы сохранить остатки спокойно-пренебрежительного отношения к жизни, с которым он приехал в село. Увы, такого расположения духа у него оставалось все меньше.

Он обернулся и едва не столкнулся нос к носу с высоким крепким парнем лет на пять старше его. Темные волосы человека, умеющего ходить по усеянной сучками тропе как кошка, были гладко зачесаны назад и блестели от геля, мощные ключицы перечеркивала полоска воротника безукоризненно белой футболки. Все это никак не вязалось с черной замасленной спецовкой. Казалось, что человек накинул на плечи первое, что попало под руку, лишь бы не выделяться среди местных жителей.

– Тебе чего надо? – маскарадный парень повторил свой вопрос.

– Мне нужен Сиплый, – ответил Уфимцев, сделав невольную паузу перед тем, как назвать прозвище.

«Кто его знает, – мелькнуло у него в голове, – Может, это обидное погоняло. Как бы не испортить все дело...»

Однако на лице парня не отразилось ничего.

– Ты кто такой? – задал он следующий вопрос, в свою очередь с прищуром рассматривая незваного гостя.

– Я – корреспондент областной газеты.

– Корреспондент?! – глаза у парня при этом известии, однако, не распахнулись, как у вилоносца Михаила, а еще больше прищурились, – И чего тебе надо от Сиплого?

– Поговорить, – миролюбиво произнес Уфимцев.

Парень хмыкнул, пожевал губами, искоса окидывая фигуру корреспондента с ног до головы: с поношенных кроссовок рижского производства «советский «Адидас», корейских синих джинсов и такой же, только более темной куртки, воротника рубашки (На шею он задержался, словно выбирая, как лучше по ней врезать, ежели что – Игорь поежился под этим взглядом), до светлых усов, курносого носа и карих глаз с легким монгольским разрезом.

Игорь сжал зубы и выдержал этот пристальный оценивающий взгляд, во второй раз за день подумав:

«Какого хрена я здесь делаю?»

– Подожди здесь! – произнес наконец парень, обошел журналиста, открыл калитку, крикнул заворчавшему псу, – Джек, место! – и скрылся в доме.

Игорь нервно прошелся вдоль калитки, вытащил сигарету, обнаружив, что в пачке их осталось всего несколько штук, и подумал, что он влип в весьма опасное предприятие, и еще не поздно делать отсюда ноги, пока охранник (в том, что это был охранник, сомневаться не приходилось) консультируется со своим боссом.

Пройдя несколько шагов вдоль забора – до края вытоптанной площадки перед непроходимыми зарослями из кустов и крапивы, он заметил за ржавым хламом, загромождавшим двор, новенькую «шестерку». Чьи на ней были номера, разглядеть не представлялось возможным, но корреспондент был почему-то уверен, что они были не ярославские. Зато Игорь сумел разглядеть натянутую среди кустов черной смородины, вплотную росших у забора с той стороны, тонкую вязь проволоки.

«Путанка, – подумал он, – Спираль Бруно. Интересная, однако, избушка. От кого они отгородились по всем правилам военной науки? Может, все-таки слинять?..»

Игорь представил, как он осторожно пятится назад по крапивной тропке, потом сломя голову несется по улице, распугивая кур и будя нездоровый интерес к своей персоне. Деревенские псы провожают его лаем, жители – недоуменными взглядами. И вот он на автобусной остановке – нервно прохаживающийся, поминутно оглядывающийся на улицу, ведущую сюда, в этот двор, охраняемый, как военный объект. Ждет автобуса и боится, что тот придет позже, чем парень в замасленной спецовке с чужого плеча, другие, подобные ему. Стоит и боится, боится, боится...

«В таком случае мне нужно менять специализацию, – подумал он, – Писать на темы культуры или городского хозяйства. Всерьез обсуждать, почему в подъезде тети Мани до сих пор не вставили выбитые стекла, и когда дорожно-ремонтная служба заасфальтирует яму во дворе пятнадцатого микрорайона. Ведь за последние три месяца в нее влетели пять машин, а автомобиль пенсионера Коклюшкина, его персональный „жопик“ – пардон, иномарка „Запорожец“ даже сломал мост. А мэрия мне на это будет отвечать, что это все – от скудности городской казны и безответственности самих граждан. Надо самим стеречь стекла в подъездах и внимательнее смотреть на дорогу перед капотами своих персональных, горбом заработанных авто...»

Додумать эту тему, очень важную для сохранности собственного здоровья, Уфимцев не успел. Охранник вышел из дома и направился к калитке. Игорь разглядел на нем деталь одежды, которую не заметил в прошлый раз, когда беседовал с парнем чуть ли не нос к носу: на секьюрити избушки-на-курьих ножках были высокие десантные ботинки или «прыжки», как их именуют в армии. Они были заправлены в просторные брюки военного покроя – с накладными карманами чуть выше колена.

Правый карман заметно оттопыривался. В нем лежало что-то тяжелое и колыхалось при каждом шаге.

Уфимцев представил, как парень, так и не удосуживавшийся снять с себя нелепую куртку тракториста, которая смотрелась на нем, как женский лифчик на черкеске у джигита, вытягивает из этого кармана ствол... Или бьет прямым длинным ударом ноги, известным в карате как «йоко-гери», прямо в солнечное сплетение. И выскочившие из избушки на помощь «секьюрити» добры молодцы под стать ему, затаскивают потерявшего сознание корреспондента в подпол. Дальше представлять не хотелось...

На этот раз парень не удосужился выйти из дома. Облокотившись на жалобно скрипнущую калитку, он сказал:

– Сиплого нет дома. Когда появится – не знаю. Поэтому, – охранник нехорошо ощерился, продемонстрировав золотой зуб – «фиксу» на правом клыке, – давай, корреспондент, прощаться. Подобру-поздорову. Если же еще раз здесь нарисуешься...

В его голосе зазвучали угрожающие нотки:

– Если еще раз нарисуешься – собаку спущу. До самого Ярославля без штанов бежать будешь.

– Я бегаю плохо, – буркнул Уфимцев, – Не люблю с детства.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошел обратно по тропке. Шагов через пять неосторожно махнул рукой, обжегся о крапиву, вполголоса выругался, потер обожженное место и обернулся: охранник, телохранитель или наемный убийца – кто его разберет? – по-прежнему стоял у калитки и смотрел ему в след. Игорь сплюнул в траву и постарался побыстрее повернуть так, чтобы больше не видеть этой фигуры.

Темнело быстро. На часах было всего полседьмого вечера, а село уже погрузилось в сиреневые сумерки. В домах начали загораться огни, чего нельзя было сказать о самой улице. Несмотря на то, что по обочинам стояли столбы с фонарями, толку от них было столько же, сколько от не вылезшей еще на небосклон луны.

Игорь топтался на разбитом асфальтовом пяточке рядом с покореженным железным навесом автобусной остановки и ждал. Ждал уже минут сорок. Однако за это время по становившейся все более безлюдной улице проехали только мотоциклист и трактор «Беларусь». Становилось прохладно. Уфимцев плотнее запахивал на себе джинсовую куртку на рыбьем меху и всерьез подумывал, не вернуться ли ему в гостеприимный дом вилоносца Михаила.

Еще минут через пятнадцать, когда журналист окончательно замерз и потерял надежду увидеть в обозримом будущем фары автобуса, около остановки притормозил вывернувшийся откуда-то из проулка велосипедист. Уфимцев с горьким смешком обнаружил на нем замазанную спецовку – точь-в-точь, как на охраннике Сипатого.

«Здесь это местная униформа», – подумал он.

– Ты чего, автобус ждешь? – спросил велосипедист.

– Ну, – ответил Уфимцев.

На более подробный ответ у него не было ни тепла в теле, ни желания в душе.

– До утра будешь ждать, – заместил местный житель, – Автобусы у нас только два раза в день ходят. Последний в четыре часа дня прошел.

«Вот влип, – отчаянием подумал Игорь, – Шерлок Холмс хренов... Что же теперь делать-то?»

Уфимцев в душе уже смирился с вариантом блудного сына: с возвращением под кров вилоносца, где ему нальют горячих щей, и под очередную стопку водки или самогона Михаил станет рассказывать о все том же подлом бывшем председателе. Игорь не станет кобениться и будет внимательно слушать, чтобы потом сделать душещипательный критический материал о жизни современного села – достойную альтернативу журналистского расследования. И Давидин, взяв и проглядев этот опус, довольно заметит: «Неплохо получилось. Теперь, Уфимцев, я поручаю тебе эту тему – сельское хозяйство. От нее все нос воротят, тебе же, вижу, она по душе».

... – Если хочешь до города добраться, – сказал велосипедист, – Выходи из села, за околицей сразу поворачивай налево. Пройдешь лесок – не бойся, не заблудишься, там тропинка торная – выйдешь на шоссе, как раз к остановке. В девять часов автобус должен идти. Пойдешь быстро – успеешь.

Пробормотав «спасибо», Игорь последовал совету нечаянного спасителя. Спаситель, постояв еще, покуривая и глядя в спину удаляющемуся Уфимцеву, потом свернул в тот же проулок, откуда вынырнул, чтобы дать ценный совет корреспонденту.

Пока Игорь дошел до леска, уже совсем стемнело. Но велосипедист не обманул: тропа темной полосой резко выделялась на желтом фоне травы и опавшей листвы, поэтому заблудиться было невозможно. Уфимцев вспомнил, как во время службы в армии ему приходилось ползать вот по таким же глухим, ночным, да к тому же – таежным, стежкам-дорожкам, и приободрился. Он подумал, что диких зверей здесь точно нет, поэтому опасаться особо нечего. Впрочем, в тайге встреченный человек считался опаснее зверя...

Игорь посмотрел на светящийся циферблат часов: было полдевятого. Он ускорил шаг, не забывая сторожко вслушиваться в тишину леса – не раздастся ли резкий хруст сучка под чужой ногой на фоне шелеста опадающих листьев, гула деревьев, скрипе старой сосны и отдавленном, волнами доносящимся шуме дороги...

Уфимцев с большим удовольствием свернул бы с тропы и пошел бы лесом, понимая, что на светлом фоне осенних деревьев он прекрасно виден. Однако боязнь заблудиться пересилила опасение встретиться с кем-то или чем-то на этой тропе.

Чего он боялся? На этот вопрос Игорь вряд ли смог дать вразумительный ответ. Полный напряжения сегодняшний день не отпускал, продолжал держать в натяг нервы. И на обычные для ночного леса меры предосторожности, которые не будет соблюдать лишь последний тупой горожанин, не выбиравшийся из своих каменных джунглей дальше пионерского лагеря в розовом детстве, накладывались на тускло мерцавшие кончики вил в руках деревенского мужика Миши, а также опасно поблескивавшую фиксу в уголке рта крепкого парня в десантных ботинках.

Шагов через сто, когда шум большой дороги все сильнее стал накладываться на звуки леса, Уфимцев ускорил шаг и почти побежал навстречу цивилизации.

Тропа резко вильнула в сторону, и Игорь скорее почувствовал, чем увидел, темную фигуру, стоящую перед ним.

Уфимцев остановился, почувствовав, как в груди у него оборвалось что-то большое и с неприятным, тошнотворным холодком ухнуло в живот. Он сделал шаг назад и замер, на всякий случай оглянувшись – ожидая действий противника, на которые и следовало ориентироваться, выбирая способ обороны. Фигура не шевелилась. Игорь пристально, до рези в глазах, всматривался вперед, стараясь не пропустить ни одного движения неизвестного. Фигура не шевелилась. Тогда корреспондент решил взять инициативу в свои руки.

– Слушай, друг, – произнес он, – у тебя закурить нету?

Ответом было молчание.

Игорь сдернул с плеча сумку, намотал ремень на кисть руки, чтобы, в случае чего, суметь нанести удар на расстоянии, и сделал несколько шагов вперед. Фигура не шевелилась.

– Бляха муха, – выдохнул Уфимцев и опустился на обочину: по середине тропы, кокетливо изогнувшись, росла тонкая осинка. Листва с нее уже облетела, и ствол в темноте напоминал человеческий силуэт.

Игорь отбросил в сторону сумку, вытащил сигареты, посмотрел на часы: время у него еще было. Тогда он вытянул вперед ноги и стал отходить от своего страха. Красный светлячок сигареты мерцал в темноте, успокоительно шумел над головой лес, и Уфимцеву стало вдруг весело. Он вдруг понял, что зверски проголодался. Игорь вытащил бутерброд, со вкусом его съел и почувствовал, как силы вновь возвращаются к нему.

– Господи, какой же я мудака, – произнес корреспондент вслух и поднялся.

В ночи треснул сучок. Игорь отбросил невидимую ветку из-под ноги, сделал шаг вперед и услышал еще один треск. Теперь он отчетливо понял, что звук доносился откуда-то сбоку.

– Стой, где стоял, – прозвучал спокойный голос, – Не дергайся...

Голос звучал за спиной и казался знакомым.

Уфимцев пригнулся и бросился через тропу в лес. Он почувствовал, как всем телом налетел на человека. Ударился об него, как о фонарный столб, аж голова загудела. Неизвестный схватил его за плечо. Игорь крутанулся, оставляя в кисти противника куртку, присел и ткнул кулаком туда, где у того должен был быть пах. Не промазал. Враг утробно выдохнул:

– Эх... сука... – и выпустил корреспондента.

Не разбирая дороги, ломая кусты и ветки деревьев, Игорь бежал на шум дороги. За спиной хрустели шаги преследователей. «Надо же так дуриком... дуриком... дуриком...», – рефреном билась в голове мысль, пока он прыгал через пеньки и проламывался сквозь густой ельник.

Ельник кончился. Ноги вынесли Уфимцева на косогор. Он одним махом преодолел возвышенность, бросился вниз и ахнул по самые колени в холодную воду. «Черт, болото...»

Игорь шлепнулся животом на скользкую и влажную кочку, торчащую у него перед носом, ухватился за какой-то кустик с нежными листочками и вытянул ноги, едва не подарив рыбинской топи свои старые рижские кроссовки. Вскочив, он побежал по болоту, выбирая на темном фоне воды еще более темные пятна – кочки. Пару раз он промахивался, проваливался по щиколотку, а то и по колени, хватался за торчащую там и сям болотную растительность, и мчался дальше. На его счастье, болотце попало мелкое, без трясины и омутов.

Узкая болотистая прогалина в лесу была видна не только Уфимцеву. Он услышал возглас на самой кромке:

– Вот он, сука!

И другой голос, знакомый:

– Убери пушку, идиот! Бегом за ним, а то уйдет!

За спиной Игоря послышались хлесткие шаги по воде, возгласы и ругань:

– Да тут воды по самые помидоры! И ни хрена не видно!!!

– Вперед, я сказал! – подгонял преследователей знакомый голос.

Уфимцев, как в спасительные объятия матери, влетел под защиту деревьев. Преследователи с руганью шлепали за спиной. Игорь понесся по стремительно редющему лесу навстречу трассе и с ужасом думал, что он будет делать, если на ней не окажется ни одной машины. Перескочить шоссе и броситься в другую сторону? А если там поле?..

Корреспондент преодолел насыпь дороги и выскочил на асфальт. Действительно, по другую сторону шоссе тянулось нескончаемое колхозное поле. Уфимцев уже приготовился сигануть вниз, в кювет, и бежать дальше, петляя, как заяц, но в это время за поворотом появились фары.

Игорь бросился навстречу автобусу, размахивая руками.

Водитель подозрительно посмотрел на растрепанного парня, на его мокрые по колено джинсы, хлюпающие кроссовки, к которым пристали клочки болотного мха. Уфимцев перехватил его взгляд:

– Бежал, боялся, что не успею, – выдохнул он, – Да еще в болотце попал...

– Плати за билет, – буркнул водитель, – До города – полторы тысячи.

Дверь захлопнулась и автобус, урча двигателем, начал набирать скорость.

Игорь посмотрел в заднее стекло: взбираясь по насыпи, на дороге одна за другой появились три фигуры. Они по инерции бросились вслед автобусу, быстро поняли тщетность своих попыток и остановились. Игорь облегченно вздохнул и, стараясь не привлекать внимание немногочисленных пассажиров своим затрапезным видом, забился в самый конец «пазика».

Усевшись на дерматиновое сиденье, он вдруг почувствовал пустоту у себя на плече – сумка осталась в лесу.

«Командировка накрылась...» – подумал он, прислонившись виском к стеклу. Расстраиваться по поводу потери фотоаппарата «Зенит – ЕТ», пленок, блокнота и двух несъеденных бутербродов у него не было сил. Наскоро ощупав карманы и убедившись, что деньги и редакционное удостоверение с командировочным бланком по-прежнему у него, Игорь тупо смотрел в окно. Он шевелил пальцами в раскисших кроссовках и бездумно провожал глазами редкие огни мелькавших по обочинам деревень.

Ему хотелось только одного: принять душ, выпить двести граммов водки и завалиться спать на чистых гостиничных простынях.

Глава пятая. Любите сюрпризы. Разные

Солнечный луч заглянул в окно гостиничного номера, побродил по подоконнику, сполз на пол и, крадучись подобрался к лицу спящего Игоря. Уфимцев недовольно промычал, отмахнулся от него, как от шаловливого котенка, вздумавшего поиграть с хозяином с утра пораньше, и перевернулся на другой бок.

Однако луч не собирался так просто оставлять Игоря в покое. Утихомирившись на несколько минут, он снова пополз по кромке одеяла, в надежде отыскать его глаза. Уфимцев обреченно вздохнул и решил окончательно просыпаться.

Не открывая глаз, он сел на кровати, пощупал голову и едва не застонал: боль тут же ударила в виски. Игорь разлепил веки и скосил взгляд на низенький журнальный столик у стены – проверить, осталось ли что-нибудь в бутылке для лечения похмельного синдрома.

... Вчера вечером он выбрался из автобуса, возблагодарив Бога, что уберег его от глупости положить в пропавшую сумку еще и портмоне с документами и деньгами. В противном случае он вообще бы остался ни с чем. Добрался на троллейбусе до гостиницы.

Свободные номера были, и дежурный администратор в пять минут оформила необходимые бумаги. Игорь был благодарен ей за такую оперативность: в раскисших кроссовках хлюпала вода, а мокрые джинсы противно липли к ногам, при этом скручиваясь и корежась самым причудливым образом. Поэтому первое, что он сделал, получив визитную карточку на проживание на трое суток – побежал в ближайший коммерческий ларек за бутылкой водки.

Горячей еды в ларьке не было, поэтому пришлось обойтись банкой говяжьей тушенки. Даже сейчас, утром, Игорь с мукой почувствовал ее вкус в своем рту: нет ничего безнадежнее, чем закусывать водку холодной тушенкой без хлеба.

Уфимцев выбрался из-под одеяла и с изумлением еще раз посмотрел на столик: вчера он, оказывается, в один присест уговорил полбутылки спиртного. Стараясь не смотреть на раскуроченную банку «тушняка» с торчащей в ней одноразовой пластмассовой ложкой, Игорь налил треть стакана, с внутренней дрожью задержал дыхание и вплеснул в себя его содержимое.

Подождав с минуту, когда жидкий огонь разольется по жилам, унимая головную боль и делая мысли легкими и прозрачными, Игорь схватил со спинки стула жесткое гостиничное полотенце и отправился под душ. Струи горячей воды окатывали тело, смывая темный налет предчувствий с души.

Уфимцев медленно поворачивался под душем и обдумывал свое вчерашнее приключение уже не с такой тяжелой безнадегой, как накануне вечером – наедине с бутылкой водки и волокнистыми кусками холодного мяса, застрявшего между зубов.

Было ясно, что вчера на него в лесу охотились люди Сиплого. Но с какой целью? Чтобы выяснить, для чего он явился к ним в блатхату? (Тут Игорь мысленно выматерил участкового, обозвавшего это осиное гнездо прибежищем безобидных домушников и судимых бомжей. Если бы он знал, что из себя представляет место, куда ему придется сунуться – триста раз бы подумал). Но...

Но что мешало этим ребятам взять его у калитки? Ведь никто, кроме вилоносца Миши, не знал, куда намерен направиться корреспондент. А если бандиты думали иначе? С другой стороны, они не собирались причинять ему вред. Иначе бы просто подстрелили на болоте. Без всяких хлопот...

Голова Игоря шла кругом. Уфимцев вспомнил накрученную между кустов смородины спираль Бруно; крепкого боевика, умеющего в тяжелых десантных ботинках ходить по лесу как кошка, и подумал, что на этот раз вляпался в крупное дерьмо: его приняли не за того. Но от этого легче не становилось. Видимо, он, сам того не желая, в чем-то перешел дорогу

весьма решительным хлопцам, и теперь надо было как-то выкручиваться из сложившейся ситуации.

Горячая вода окатила правое колено. Уфимцев почувствовал болезненный зуд, наклонился и выругался сквозь зубы: нога была ободрана, большая ссадина уже покрылась коричневой корочкой спекшейся крови. Когда и где он умудрился это сделать, Игорь не помнил.

«Все это фигня, – подумал он, – А вот то, что я сумку посеял – это уже хуже...»

Фотоаппарат, лежавший в импортном, новеньком, только месяц назад купленном в Москве кофре «Сони», был чужим. За неделю до командировки Игорь сдал свой «Зенит ЕТ» в ремонт и упросил фотокора газеты Витю Соколова одолжить на время свою запасную «коробку». Виктор с гордостью рассекал по улицам города с «Олимпусом», недавно купленном редакцией, поэтому, потребовав для порядка пару пива в качестве арендной платы, отдал коллеге свой зеркальный «Зенит».

Уфимцев представил лицо Володи, узнавшего о пропаже камеры, и сморщился: при всех своих достоинствах тот обладал отвратительным умением долго и нудно капать на мозги. Это у Соколова получалось так замечательно, что минут через пять пытаемый начинал крутиться на стуле, переминаться с ноги на ногу (если в это время он стоял), со смертной тоской чувствуя, как его мозги сворачиваются вкрутую и в ушах начинает звенеть.

Поэтому журналист начал вспоминать, сколько у него свободных денег, и хватит ли их на покупку нового фотоаппарата.

В процессе этих размышлений Уфимцев несколько раз отключал горячую воду, чтобы под контрастным душем окончательно взбодриться. В итоге он добился странного результата: тело, потеряв остатки хмеля, налилось силой, но настроение окончательно испортилось: все опять начало казаться исключительно в черном свете. А еще говорят, что в здоровом теле всегда прибывает здоровый дух...

Игорь опять включил теплую воду и долго стоял, согреваясь.

«Стоп, – подумал он, – не паникуй: деньги я найду, займу в конце концов, „коробку“ фотографу куплю, из этого города смоюсь. Не найдут они меня, не найдут. Да и вообще...»

Что-то светлое скользнуло в его заполненной мрачными мыслями голове. Что? Игорь вспомнил и улыбнулся.

Вчера вечером он, забившийся в угол автобуса, мокрый, растерянный и уставший, не сразу заметил эту девушку. Она сидела у окна через проход и с плохо скрываемым любопытством рассматривала его. В конце концов, ощутив на себе чей-то пристальный взгляд, Уфимцев с трудом отлепился от созерцания черного леса и редких огней за окном и посмотрел в ее сторону.

Девушка не отвела взгляд. Наоборот, с веселым недоумением она оглядела его жеваную и мокрую фигуру, остановившись глазами на рукаве куртки. Игорь проследил за движением взгляда и обнаружил там длинный пучок болотного мха. Уфимцев смахнул следы своего бегства и раздраженно подумал:

«Уставилась. Очень веселая картинка, ничего не скажешь...»

Он отвернулся к окну, успев, правда, заметить, что насмешнице лет девятнадцать-двадцать, у нее светло-русые волосы, собранные сзади в пучок, правильно очерченное лицо. Да и вся она какая-то светлая, легкая. У таких должны быть непременно голубые глаза, яркие губы, которым не нужна помада, стройные длинные ноги и небольшая грудь.

Впрочем, все это в полутемном салоне автобуса разглядеть было невозможно. Оставалось только домысливать, но этого делать не хотелось из-за болотных ванн, принятых двадцать минут назад.

Уфимцев почти забыл о ней, когда вдруг почувствовал, что кто-то сел рядом с ним.

– Выпейте горячего чая, а то простудитесь, – прозвучал звонкий задорный голос, – Вы что, с лешим в пятнашки играли?

Игорь повернулся, посмотрел в упор. Действительно, у нее были голубые глаза и яркие губы.

– Нет, – ответил грубее, чем следовало, – Клюкву собирал.

– Ну и как? – улыбнулась девушка.

В ее улыбке были сочувствие и дружелюбие, поэтому Уфимцев резко смягчил свой тон, принимая кружку с чаем, налитым из термоса:

– Не уродилась в этом году. Не сезон, однако...

– Это смотря где, – подхватила шуточный разговор незнакомка, – Я от бабушки еду. У них в деревне клюквы сколько хотите. Если, конечно, ее не в кроссовках собирать. Да и рановато...

Игорь посмотрел на свою непрезентабельную обувь и комично кивнул головой:

– Вообще-то я люблю, когда посложнее... Кстати – Игорь.

– Может, вы и спите на потолке? – рассмеялась девушка и протянула ладошку, – Люба.

– Нет... – начал Уфимцев.

– ... Я вас умоляю, – прервала его Люба, – Только надо про одеяло, которое с потолка сваливается!

Теперь они смеялись вместе.

На прощанье, когда автобус подкатил к темному зданию автовокзала, Игорь узнал, что Люба тоже из Ярославля.

– А я здесь в командировке, – произнес он, засовывая в нагрудный карман куртки листок с ее телефоном.

– Хорошенькая у вас командировка, – улыбнулась девушка.

– Сам не ожидал, – комично пожал Игорь плечами и спросил в ответ, – Вы уже обратно в Ярославль?

– Я пробуду в Рыбинске еще пару дней. У меня здесь тетка...

– А у тетки есть телефон?

...Игорь прикрутил поток холодной воды и довольно потянулся под обжигающими струями душа, вспомнив, что два крохотных листочка с номерами лежат в кармане куртки. Он подумал, что в этой суматошной командировке все складывается не так уж и плохо. В конце концов, информация о банде иконников еще не выветрилась из головы, поэтому явиться под ясные очи редактора можно было с чистой совестью и не с пустыми руками.

«Может, заявление в милицию написать о ночном нападении и пропаже фотоаппарата? Глупо. Кто-то ночью напал в лесу... Сказочка для дефектных. Еще подумают, что корреспондент где-то нажрался, потерял кофр с техникой, а теперь хочет отмазаться перед своим начальством.

Ладно, – решил Уфимцев, обтираясь полотенцем, – деньги есть, время – тоже. Свяжусь сейчас с собкором – может, какую темку подбросит, пока я здесь. А вечером – звоночек Любе...».

Уфимцев взялся за ручку двери ванной комнаты, но толкнуть ее не успел. Дверь распахнулась сама собой и настолько сильно, что он влетел в объятия небритого мужика в кожаной куртке.

Мужик, перехватив Игоря поперек груди, развернул его лицом в сторону комнаты и ловким движением заломил руку за спину. В таком виде: голым (полотенце размоталось и осталось лежать на пороге душевой), согнутым и с перекошенным от боли лицом, Уфимцев появился перед находящимися в комнате людьми.

Во всей адовой красе Игоре предстал перед двумя мужчинами, уютно, по-хозяйски, устроившимися в его гостиничном номере. Один из них, блондин лет тридцати в легкой серой парусиновой куртке и таких же брюках, сидел, забросив ног за ногу. В его руке дымилась тонкая сигарета «Мог», о чем свидетельствовала красная пачка, лежавшая тут же, на журнальном

столике рядом с пепельницей. На столешнице с ней соседствовали допитая Игорем бутылка водки, банка тушенки и казенный гостиничный стакан.

Не успел Уфимцев разглядеть второго незваного визитера, расположившегося на подоконнике, как блондин, картинно подняв брови, обратился к третьему незнакомцу. Тот оставался в тени, поскольку продолжал находиться за спиной журналиста, по-прежнему выкручивая ему запястье.

– Леша, – произнес «Пижон» (как окрестил его Игорь, пытаясь прийти в себя после такого резкого поворота событий), – что ж ты над человеком издеваешься – на дворе не тридцать седьмой год, – отпусти его.

Уфимцев, преодолевая естественное смущение, которое испытывает любой нормальный человек, будучи голым в компании одетых людей, быстро огляделся в поисках джинсов.

– Вот-вот, – поощрил его действия Пижон, – лучше оденьтесь. Мы, знаете ли, Игорь Вадимович, не относимся к числу пидоров, поэтому голая мужская задница в будущих переговорах нас не вдохновляет.

Игорь схватил штаны и футболку и, наконец, оглянулся назад. Он не хотел одеваться под взглядами этой компании.

– Леша, – предупредил его действия Пижон, который, несомненно, был лидером этой троицы, – дай человеку пройти в ванную – одеться.

«Кожаный» Леша слегка посторонился, пропуская Уфимцева в ванную комнату, однако, как только Игорь сделал движение закрыть за собой дверь, он плавным, но сильным движением вернул ее в исходное положение. Журналист вскинул на него глаза:

– Я не сбегу. Некуда.

Однако Леша с угрюмым видом продолжал держать дверь. Игорь пожал плечами и начал одеваться под пристальным взглядом этого человека. Впрочем, его, в свое время отслужившего два года в армии, пожившего в общагах, где все на виду, и нет никаких тайн, это не волновало. Особенно в преддверии назревающего разговора.

То, что этот разговор не предвещал ничего хорошего, он уже понял. Игорь узнал во втором незваном визитере, расположившемся на подоконнике и до сих пор умудрившемся не проронить ни слова, того самого «велосипедиста», что направил его лесом в лапы засады, оказавшейся неудачной для самих «засаживающих». Смущало только одно: Пижон явно не был похож на бандита из шайки Сиплого. Впрочем, и среди уголовников бывают говоруны-краснобаи с хорошими манерами. Особенно сейчас, в смутное время.

Когда Уфимцев, одетый и более уверенный в себе, вышел обратно в комнату, он решил для себя и вторую загадку, мучившую его во время размышлений в ванной комнате. Его джинсовая куртка с документами, которую он вчера вечером повесил на вешалку в коротенькой прихожей номера, лежала на спинке кровати. Редакционное удостоверение же находилось в руках Пижона.

Он покрутил красную корочку, небрежно бросил ее на столик и широким жестом показал на кровать:

– Присаживайтесь, Игорь Вадимович! Поговорим, товарищ корреспондент?

– О чем? – исподлобья взглянул на него Уфимцев, – И вообще, кто вы такие?

– А мы разве не представились? – впервые заговорил Велосипедист на подоконнике.

Он ловким движением выдернул из нагрудного кармана малиновую «корку» и, развернув, протянул ее в сторону журналиста. Игорь, прищурившись (расстояние между ними было около двух метров), сумел прочитать: «Управление Федеральной службы контрразведки... Майор Касимов Александр Дмитриевич... Старший оперуполномоченный... Разрешается ношение и хранение...» Майор Касимов корочки захлопнул.

– Чем обязан? – с заметным облегчением произнес корреспондент, за которым не числилось грехов вроде сотрудничества с разведками иностранных держав, и поэтому у него было больше резонов бояться разбойников, чем людей из серьезной «конторы».

– Пьете много, Игорь Вадимович, – с коротким смешком бросил Пижон, кивнув на пустую водочную бутылку.

– Согревался, – отвечивал Игорь, который не мог и не хотел настраиваться на шуточный тон блондина, – Да и вообще, вы мне не мама и не мой начальник-редактор, чтобы...

– Хватит! – негромко, но властно оборвал его майор, – Мы сюда прибыли не для того, чтобы вас морали учить. Узнали меня, Игорь Вадимович?

Уфимцев кивнул головой:

– Спасибо за совет... Хорошая оказалась дорожка, короткая! – к нему постепенно начало возвращаться чувство юмора, – И все-таки, чем обязан?

Лет пять назад советский гражданин ни за что не позволил себе разговаривать в представителями «Конторы Глубокого Бурения» в ТАКОМ тоне. Но на дворе стояли мутные девяностые. Некогда всемогущая «контора» переживала многочисленные переименования и реформирования, теряя вместе с этим своих лучших сотрудников и авторитет. Поэтому майор Касимов лишь глубоко вздохнул и проговорил, не меняя невозмутимого выражения лица:

– Вы обязаны нам помочь.

– Вам? Чем?!

– Ну, для начала ты должен нас рассказать, что делал в селе вчера, – жестко, переходя на «ты», произнес Пижон, мгновенно переходя из образа добродушного весельчака, – В компании с бандитами? Быстро!!!

Картинка в голове Уфимцева из отдельных кусков начала складываться мозаики в единое полотно.

– Ах, вот вы о чем... – он откровенно усмехнулся, – Приняли меня не за того. Бывает. Вы... товарищ, не знаю, в каком вы звании, ножки вчера не сильно в болоте промочили? Тот, я смотрю, голос ваш мне знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.